ПСИХОЛОГІЯ ОПЫТНАЯ.

(РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХЪ).

Преподавателя Духовной Семинаріи

Свящ. А. Аристова.

Выпускъ первый.

РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна, Ткацкая ул. № 13.

1889.

ПСИХОЛОГІЯ ОПЫТНАЯ.

(РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХЪ).

Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka

Преподавателя Духовной Семинаріи

Свящ. А. Аристова.

Выпускъ первый.

РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна, Ткацкая ул. № 13.

1889.

Пров. 19[illegible]

Дозволено цензурою. Рига, 14 Іюня 1889 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
6.36
5½

Введеніе.

§ 1. Понятіе о психологіи опытной; ея отличіе отъ умозрительной и антропологіи.

§ 2. Методъ опытной психологіи.

§ 3. Источники ея: самонаблюденіе, наблюденіе надъ другими людьми, изученіе дѣйствій и произведеній человѣчества и тѣлесныхъ состояній.

§ 4. Значеніе психологіи. § 5. Задача ея и раздѣленіе.

ЧАСТЬ I.

О способностяхъ души и законахъ ихъ дѣятельности.

§ 6. Сознаніе, какъ общее и основное свойство душевной дѣятельности; различныя степени его ясности и силы; самосознаніе.

§ 7. Главныя формы сознательной духовной жизни: познаніе, чувствованіе и практическая дѣятельность; ихъ отношеніе между собой и къ душѣ.

Способность познанія (сознаніе познающее).

§ 8. Частныя формы и степени познавательной способности.

1) Способность ощущеній.

§ 9. Понятіе объ ощущеніи и его происхожденіи.

§ 10. Физическая ступень ощущеній, § 11—физіологическая и § 12—психическая.

§ 13. Степени въ ощущеніи, какъ психическомъ состояніи: чувственное воспріятіе, воззрѣніе и вниманіе.

§ 14. Содержаніе, сила и тонъ ощущеній.

§ 15. Раздѣленіе ихъ.

§ 16. Ощущенія общей чувствительности: кожныя, органическія и мускульныя; степень общей чувствительности; значеніе этихъ ощущеній.

§ 17. Ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ: обонятельныя, вкусовыя, осязательныя, слуховыя и зрительныя; ихъ физіологическій процессъ, виды и значеніе.

§ 18. Знанія о пространственныхъ и временныхъ свойствахъ вещей.

§ 19. Наблюденіе. § 20. Нормальная и ненормальная дѣятельность чувствъ: иллюзіи и галлюцинаціи.

§ 21. Значеніе способности ощущеній.

2) Способность представленій.

§ 22. Понятіе о представленіи въ отличіе отъ ощущенія.

§ 23. Способъ образованія представленій.

§ 24. Виды способности представленій.

§ 25. Память, какъ способность сохранять и воспроизводить представленія; виды памяти.

§ 26. Воспоминаніе и законы ассоціаціи представленій.

§ 27. Совершенства и недостатки памяти и воспоминанія и ихъ условія.

§ 28. Воображеніе, какъ способность произвольнаго сочетанія представленій: пріемы его дѣятельности.

§ 29. Качества воображенія: достоинства и недостатки.

§ 30. Зависимость воображенія отъ состояній духовно-тѣлесной жизни.

§ 31. Вліяніе воображенія на духовно-тѣлесную жизнь.

§ 32. Фантазія. § 33. Смыслъ способности представленій.

3) Способность мышленія—разсудокъ.

§ 34. Понятіе о разсудкѣ; его отличіе отъ способности представленій и отношеніе къ послѣднимъ.

§ 35. Основные законы мышленія.

§ 36. Формы мышленія: понятіе, сужденіе и умозаключеніе.

§ 37. Достоинства и недостатки разсудка.

§ 38. Условія образованія разсудка.

§ 39. Языкъ. Низшіе способы выраженія духовныхъ состояній; происхожденіе и развитіе языка; преимущество его предъ иными способами выраженія духовныхъ состояній; значеніе для мышленія.

§ 40. Смыслъ способности разсудка.

4) Способность созерцанія—разумъ.

§ 41. Понятіе о разумѣ въ его отличіи отъ разсудка по содержанію и формѣ дѣятельности. Идеи и ихъ происхожденіе. Посредствующее мѣсто разсудка между способностью представленій и разумомъ.

§ 42. Идеи Бога, истины, добра и красоты.

§ 43. Вліяніе идей на низшія познавательныя способности человѣка: 1) на способность ощущеній; 2) на воображеніе и фантазію (творчество и его виды); 3) на разсудокъ: созданіе идеаловъ нравственныхъ и общественныхъ.

§ 44. Геній и талантъ; ихъ сходство и различіе.

§ 45. Смыслъ способности разума.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. *Понятіе объ опытной психологіи; ея отличіе отъ умозрительной и антропологіи.* Опытная психологія есть наука о духовной жизни человѣка. Эта жизнь обнаруживается въ разнообразныхъ состояніяхъ, какъ-то: ощущеніяхъ, представленіяхъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ и т. п., которыя всѣ и называются потому душевными явленіями. Существованіе ихъ въ опытѣ не можетъ подлежать спору, потому что мы сами переживаемъ всѣ эти психическія состоянія: мы имѣемъ ощущенія, представленія и понятія, мы волнуемся чувствованіями, мы испытываемъ стремленія и совершаемъ дѣйствія. Посему и психологія, занимающаяся изслѣдованіемъ этихъ явленій духовной жизни, называется опытной.

Согласно такому понятію, психологію опытную слѣдуетъ отличать: 1) *отъ психологіи умозрительной* по предмету и методу. Первая изслѣдуетъ различные роды и виды духовныхъ состояній, причины ихъ происхожденія и изчезновенія, ихъ взаимодѣйствіе, значеніе, вліяніе на тѣло и зависимость отъ тѣла; вторая—природу самой души, ея происхожденіе, безсмертіе, свободу и нравственную отвѣтственность; первая пользуется, по преимуществу, методомъ индуктивнымъ, восходя въ изслѣдованіи отъ частныхъ явленій духовной жизни къ опредѣленію законовъ ихъ, вторая—методомъ дедуктивнымъ, переходя отъ опредѣленія природы души вообще къ раскрытію ея дальнѣйшихъ свойствъ. 2) *отъ антропологіи.* Такъ называется наука о природѣ человѣческой вообще; а такъ какъ въ человѣкѣ есть тѣло и душа, то и антропологію различаютъ физическую и психическую: первая изслѣдуетъ всѣ явленія тѣлесной жизни

человѣка, какъ-то: устройство и отправленія органовъ, химическіе процессы, происходящіе въ тѣлѣ; вторая—всѣ явленія духовной жизни и составляетъ собственно психологію—опытную.

§ 2. *Методъ опытной психологіи* состоитъ въ слѣдующемъ: а) она анализируетъ духовныя состоянія. Анализъ этотъ имѣетъ въ психологіи широкое примѣненіе: въ духовной жизни человѣка все существуетъ въ состояніи постоянной и измѣнчивой сложности, потому что нѣтъ у насъ ни одного чувствованія, которое не вызывалось бы и не сопровождалось тѣми или другими представленіями и желаніями, нѣтъ и хотѣнія, которое не было бы соединено съ другими какими-либо хотѣніями, представленіями и чувствованіями, нѣтъ и представленія, которое не сочеталось бы съ другими духовными состояніями. Когда я представляю напр. родной домъ въ деревнѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ у меня являются представленія о близъ лежащихъ домахъ, объ окрестностяхъ, объ удовольствіяхъ дѣтства, является желаніе снова посѣтить родныя мѣста и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ я испытываю пріятное, радостное чувство въ душѣ. Поэтому анализировать духовныя состоянія для психолога такъ же необходимо, какъ и для химика разлагать тѣла на ихъ элементы. Однако процессъ и орудіе этого анализа отличны отъ процесса и орудій анализа тѣлъ природы. Масса вещества въ дѣйствительности не единое тѣло, а совокупность нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое можетъ существовать отдѣльно отъ другихъ; поэтому и анализъ такой массы есть простое отдѣленіе одного тѣла отъ другаго. Между тѣмъ и самое сложное духовное состояніе всегда едино, потому что мы не можемъ дѣлить этихъ состояній на дроби, не можемъ взять одно чувствованіе безъ представленія его предмета, одно хотѣніе безъ представленія и т. п. Отсюда и анализъ духовныхъ состояній можетъ состоять только въ мысленномъ, а не дѣйствительномъ, раз-

ложеніи ихъ на тѣ составные элементы или условія, сочетаніе которыхъ необходимо было, чтобы произошли эти состоянія. Напр. анализъ ощущенія состоитъ въ томъ, что указываются тѣ условія, сочетаніе которыхъ необходимо для его происхожденія, какъ-то: внѣшнее впечатлѣніе, раздраженіе нервной системы, воспріятіе души, воззрѣніе и т. д. Съ другой стороны, сложное вещество мы анализируемъ при помощи разныхъ внѣшнихъ пріемовъ, сложныя же духовныя состоянія мы анализируемъ простымъ размышленіемъ; въ этомъ случаѣ одинъ и тотъ же духъ составляетъ и предметъ и орудіе анализа, мы испытываемъ состояніе, мы и анализируемъ его. Благодаря такому анализу, психологъ опредѣляетъ для сложныхъ духовныхъ явленій ихъ различныя элементарныя предъидущія. б) Она индуктивно восходитъ отъ частныхъ явленій къ общимъ выводамъ. Анализировавъ нѣсколько сходныхъ явленій, она сравниваетъ ихъ и опредѣляетъ, какія элементарныя условія всегда предшествуютъ данному явленію и существенно необходимы для его происхожденія, какіе признаки его существенны и несущественны. Этимъ путемъ опредѣляются законы духовныхъ состояній, показывающіе какое изъ нихъ неизмѣнно сосуществуетъ съ другимъ или слѣдуетъ за другимъ; а руководясь уже найденными законами, мы можемъ объяснить и всѣ отдѣльныя явленія того или другаго рода. Такой методъ изученія духовныхъ состояній пособитъ и основательному умозаключенію къ тѣмъ свойствамъ души, по которымъ необходимо, при научномъ отношеніи къ дѣлу, признать въ ней особое начало, отличное отъ силъ физическихъ. в) Наконецъ, она стремится опредѣлить смыслъ, значеніе явленій духовной жизни человѣка, чтобы какія-либо изъ нихъ не показались странными и неразумными. Этотъ смыслъ будетъ открытъ, если психологъ прослѣдитъ, какъ душа наша, по мѣрѣ развитія, все болѣе и болѣе очищается отъ

низшихъ, чувственно-животныхъ состояній и раскрывается въ своей высшей, идеальной природѣ. „При такомъ разсмотрѣніи, всѣ состоянія духовной жизни, свойственной человѣку, окажутся не игрой слѣпыхъ силъ, подобно борющимся волнамъ моря, но естественно совершающимся переходомъ низшаго въ высшее, существующаго въ должное, физической жизни въ нравственную“ (Гогоцкій).

§ 3. *Источники психологіи.* Такъ какъ состоянія духовной жизни каждый самъ испытываетъ и переживаетъ, то и первымъ источникомъ психологіи служитъ самонаблюденіе т. е. наблюденіе за своими состояніями: какъ слѣпой, не видавшій цвѣтовъ, или глухой, не ощущавшій звуковъ, не могутъ и знать ихъ, такъ и психологъ, самъ никогда не испытавшій того или другого состоянія, не можетъ вполнѣ понять его. Это самонаблюденіе можетъ быть двоякаго рода: прямое и косвенное. Прямое—состоитъ въ томъ, что человѣкъ, переживая то или другое состояніе, въ тоже время обращаетъ на него свое вниманіе и наблюдаетъ его, переживая напр. чувство радости, въ тоже время наблюдаетъ и изучаетъ его. Но такое самонаблюденіе имѣетъ важныя трудности. а) Душа при такомъ самонаблюденіи необходимо должна раздвояться: должна и переживать состояніе и обращать на него вниманіе, должна быть и предметомъ наблюденія и лицомъ наблюдающимъ; это раздвоеніе, если и не невозможно, все-таки требуетъ значительнаго напряженія. б) Оно требуетъ усилій воли и напряженнаго вниманія. Наши душевныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ съ необычайной быстротой: различнаго рода мысли, чувствованія и желанія постоянно смѣняются, появляясь, изчезая и вновь возникая; чтобы удержать то или другое изъ нихъ на болѣе продолжительное время и сосредоточить на немъ свое вниманіе, отъ наблюдателя требуется много усилій. Между тѣмъ не многіе обладаютъ сильной волей, немногіе въ состояніи и свое вниманіе удерживать долго на одномъ

предметѣ. в) Оно стѣсняетъ развитіе духовныхъ состояній: послѣднія развиваются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе мы обращаемъ на нихъ вниманія; напротивъ, когда обращаемъ вниманіе, они или мгновенно прекращаются или измѣняютъ свой характеръ. Когда напр. мы пишемъ сочиненіе, мысли безпрепятственно появляются одна за другой въ нашемъ сознаніи, но лишь только мы попытаемся наблюдать, какъ совершается этотъ процессъ мышленія, онъ прекращается или получаетъ другое направленіе.—Трудности эти замѣтно устраняются въ самонаблюденіи косвенномъ. Оно состоитъ въ томъ, что мы вспоминаемъ прежде испытанное духовное состояніе и въ этомъ видѣ изучаемъ. Такое самонаблюденіе настолько обычно и просто, что мы обращаемся къ нему очень часто: помимо всякаго намѣренія, мы запоминаемъ свои мысли, чувствованія и желанія, потомъ воспроводимъ ихъ въ сознаніи и т. о. узнаемъ и порядокъ происхожденія ихъ, и причины и существенные признаки. Къ нему обращается въ большинствѣ случаевъ и психологъ.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что самонаблюденіе, каково бы оно ни было, не можетъ быть признано вполнѣ достаточнымъ источникомъ психологіи. Оно требуетъ значительнаго духовнаго развитія, потому что на первыхъ порахъ духовной жизни каждый человѣкъ останавливаетъ вниманіе на предметахъ внѣшнихъ, подлежащихъ органамъ чувствъ, и только значительно позже—на духовныхъ состояніяхъ своихъ. Вотъ почему далеко не всѣ люди способны къ самонаблюденію: тысячи живутъ и оканчиваютъ жизнь, не заглядывая внутрь себя и имѣя самое ограниченное и часто невѣрное понятіе о духовныхъ состояніяхъ. Съ другой стороны, какъ бы ни была богата духовная жизнь отдѣльнаго человѣка, все-таки она не можетъ обнять въ себѣ всѣхъ духовныхъ состояній во всемъ ихъ разнообразіи и сложности. Наконецъ, ограничиваясь только самонаблюденіемъ,

психологъ не всегда можетъ отличить нормальныя состоянія духовной жизни отъ болѣзненныхъ.

Въ виду всего этого, для психологіи необходимы еще другіе источники, изъ которыхъ она могла бы восполнить и исправить свѣдѣнія о духовной жизни, полученныя путемъ самонаблюденія. Къ числу такихъ второстепенныхъ источниковъ относятся:

а) *Наблюденіе надъ другими людьми*, также испытывающими духовныя состоянія. Какъ естествоиспытатель, желая изучить напр. растительную жизнь, не ограничивается наблюденіемъ одного рода растеній и еще менѣе наблюденіемъ одного вида или экземпляра, а разсматриваетъ все разнообразіе ихъ, такъ и психологъ не долженъ ограничиваться наблюденіемъ себя самого или нѣсколькихъ лицъ, но долженъ наблюдать духовныя состоянія наибольшаго числа людей, не исключая никакого возраста и никакой степени развитія; какъ естествоиспытатель, изучая какой-либо родъ или видъ растеній, болѣе останавливаетъ вниманіе на тѣхъ экземплярахъ, которые преимущественно отличаются богатствомъ жизни и красотой, такъ и психологъ особенно долженъ наблюдать тѣхъ людей, которые преимущественно отличаются дарованіями духовными или достигли высокаго развитія духовныхъ способностей—умственныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ. Живя въ обществѣ людей, психологъ имѣетъ полную возможность наблюдать ихъ духовную жизнь: по взглядамъ, тону голоса, тѣлодвиженіямъ и въ особенности по рѣчамъ онъ можетъ познать духовныя состоянія ихъ. Эти знанія и могутъ служить полезнымъ дополненіемъ къ тѣмъ, которыя пріобрѣтаются путемъ самонаблюденія.—Но и наблюденіе на другими людьми не чуждо трудностей. а) Мы никогда не можемъ наблюдать духовныхъ состояній другихъ людей непосредственно: намъ доступны только ихъ взгляды, тѣлодвиженія, рѣчи и т. п., по которымъ мы и заключаемъ о духовныхъ состояніяхъ;

между тѣмъ всѣ эти выраженія духовныхъ состояній болѣе или менѣе условны и неопредѣленны, потому что не всѣ люди, да и не всегда, выражаютъ свои духовныя состоянія въ одинаковыхъ знакахъ, истолкованіе ихъ зависитъ отъ наблюдателя, который о всѣхъ склоненъ судить по себѣ, внѣшнимъ выраженіямъ духовной жизни всѣхъ людей склоненъ приписывать такое значеніе, какое самъ привыкъ давать имъ. Впрочемъ эта трудность ослабляется тѣмъ, что психологъ, упражняясь въ опредѣленіи внутренняго смысла внѣшнихъ знаковъ, можетъ развить это искуство до совершенства; поэтому, чѣмъ опытнѣе психологъ, тѣмъ съ большей безошибочностью онъ можетъ опредѣлить духовное состояніе другихъ людей по ихъ внѣшнимъ знакамъ. б) Мы рѣдко можемъ наблюдать психическую жизнь другихъ людей въ состояніи естественной непринужденности: какъ скоро человѣкъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, онъ или теряется и ненамѣренно показываетъ себя не тѣмъ, что онъ есть, или сдерживается, если имѣетъ довольно самообладанія, и во внѣшности обнаруживаетъ только то, что ему заблагоразсудится. Эта сдержанность въ обнаруженіи духовныхъ состояній растетъ въ человѣкѣ съ образованіемъ: обыкновенно человѣкъ образованный имѣетъ болѣе власти надъ собой, чѣмъ необразованный. При отсутствіи же естественной непринужденности, психологъ не можетъ сдѣлать правильнаго заключенія отъ внѣшнихъ проявленій къ внутреннему состоянію. Только осторожность въ наблюденіи и осмотрительность въ выводѣ могутъ вывести психолога изъ подобнаго затрудненія.

б) *Изученіе дѣйствій и произведеній*, въ которыхъ выражается духовная жизнь людей. Сюда относятся: а) *исторія*, въ широкомъ смыслѣ слова, какъ-то: исторія человѣчества, отдѣльныхъ народовъ и государствъ, въ особенности исторія культуры, наукъ, искуствъ, религіи, права, нравственности, языка; б) *автобіографіи*, раскрывающія предъ нами не толь-

ко внѣшнія событія жизни автора, но и внутреннюю, психическую сторону ея, съ волненіями и страстями, желаніями и отвращеніями, надеждой и разочарованіемъ, которыя часто бываютъ скрыты отъ наблюденія сторонннхъ людей; в) *описанія путешественниковъ,* изображающія между прочимъ духовную жизнь дикихъ народовъ, которыхъ не коснулась еще цивилизація; г) *поэтическія произведенія,* въ особенности рельефно рисующія разнообразіе человѣческихъ чувствованій и характеровъ; д) *статистика,* предлагающая богатый запасъ точныхъ данныхъ для сужденій о жизни человѣчества.

в) *Изученіе тѣлесныхъ состояній человѣка.* Психологія вполнѣ признаетъ, что вообще духовная жизнь связана съ тѣлесной, а въ особенности съ нервной системой тѣла, что какъ ощущеніе мы получаемъ при помощи чувствительныхъ нервовъ, такъ и движеніе совершаемъ при помощи двигательныхъ нервовъ, что поврежденіе тѣхъ или другихъ частей нервной системы и въ особенности головнаго мозга сопровождается разстройствомъ духовной жизни, напр. потерей памяти, помѣшательствомъ, что наслѣдственность тѣлесныхъ особенностей и ненормальностей нерѣдко соединяется съ наслѣдственностью духовныхъ. Поэтому изученіе тѣлесныхъ отправленій важно для аналогическихъ заключеній о духовной жизни, о тѣхъ явленіяхъ духовныхъ, которыя ясно выражаются въ тѣлесныхъ состояніяхъ, подобно тому, какъ и талантъ музыканта мы познаемъ не умственнымъ созерцаніемъ, а по тѣмъ переливамъ звуковъ, въ которыхъ онъ выражается; это же изученіе явственно приводитъ и къ той грани, дальше которой естествознательные пріемы въ психологіи непримѣнимы, такъ какъ высшія душевныя проявленія со всѣми ихъ качествами не выражаются въ соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ наблюдаемыхъ органовъ и потому, чѣмъ дальше подвигается развитіе духовной жизни, тѣмъ больше она расходится

съ предметомъ физіологіи. Нужно думать, что физіологія, путемъ своихъ изслѣдованій, въ отдаленномъ результатѣ придетъ не къ тому, что сочтетъ себя въ правѣ втянуть духовныя состоянія въ область тѣлесныхъ, а къ тому, что признаетъ высшее, духовное начало и будетъ вынуждена допустить его присутствіе даже въ низшихъ душевныхъ проявленіяхъ.

§ 4. *Значеніе психологіи.* Опираясь на такихъ источниках, психологія получаетъ важное значеніе научное и практическое. а) Уже по самому предмету своему она должна занять видное мѣсто въ ряду другихъ наукъ. Она изучаетъ природу духа, того духа, который создаетъ науки, искусства и ремесла, создаетъ законы, общества и государства, переустрояетъ и преобразуетъ окружающую природу, осушая болота, вырубая лѣса, орошая пустыни и т. д. Было бы странно, если бы, занимаясь изученіемъ всѣхъ этихъ произведеній человѣческаго духа, мы отказались изслѣдовать его собственную природу. б) Она имѣетъ значеніе для рѣшенія другихъ философскихъ вопросовъ, какъ то: о происхожденіи нашихъ познаній, потому что показываетъ, какимъ образомъ, изъ какихъ элементовъ и какими силами создаются всѣ эти познанія; — о сущности бытія, потому что, изслѣдуя духовныя явленія въ ихъ существенномъ отличіи отъ тѣлесныхъ, въ ихъ самостоятельности и законахъ, приводитъ къ убѣжденію, что такой сущностью міра не можетъ быть чистая матерія; — о Богѣ, какъ первой причинѣ бытія, потому что, внушая убѣжденіе въ превосходствѣ духовныхъ силъ и качествъ предъ физическими, она въ тоже время приводитъ къ мысли, что и высочайшая причина всего должна быть личнымъ Духомъ. в) Она имѣетъ значеніе для нравственной и практической жизни. Такъ, она важна человѣку для нравственнаго самоусовершенствованія и правильнаго пониманія себя самого, потому что, требуя прежде всего самонаблюденія, она даетъ каж-

дому возможность опредѣлить свои нравственныя достоинства и недостатки, степень своихъ силъ и способностей, и, соотвѣтственно этому, принять мѣры къ самоисправленію и нравственному усовершенствованію и избрать извѣстный родъ дѣятельности. Она важна и для установленія желаемыхъ отношеній къ другимъ людямъ, важна потому для ораторовъ, политиковъ, моралистовъ, педагоговъ, врачей, пастырей, словомъ для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ человѣческимъ обществомъ; ибо какъ пользуется искусно устроенной машиной только тотъ, кто знаетъ ея устройство, такъ и установитъ желаемыя отношенія къ людямъ только тотъ, кто знаетъ духовную жизнь этихъ людей. Если напр. ораторъ желаетъ пробудить въ слушателяхъ чувство сострадания, то рисуетъ картину нравственныхъ и физическихъ страданій, скорби и нищеты, потому что знаетъ, какъ дѣйствуетъ на душу человѣка такая картина; если нищій желаетъ вызвать сочувствіе прохожихъ, то выставляетъ на показъ свои изуродованные и обезображенные члены, потому что знаетъ, какъ глубоко дѣйствуетъ на сердце человѣческое видъ страданія; если педагогъ желаетъ содѣйствовать умственному и нравственному усовершенствованію воспитанника, то избираетъ такія средства, которыя соотвѣтствуютъ данной цѣли и природѣ воспитанника, потому что знаетъ, что инымъ путемъ нельзя достигнуть этой цѣли. Не безъ основанія говорятъ поэтому, что „кто изучитъ сердечныя движенія, съ коими сопряжены наши мысли и желанія, и будетъ благоразумно пользоваться ими, тотъ въ состояніи творить чудеса между людьми.“ г) Наконецъ, изученіе психологіи важно для устраненія ложныхъ и предубѣжденныхъ взглядовъ на духовную жизнь человѣка. Въ настоящее время есть много ученыхъ изслѣдованій, утверждающихъ, что духовныя состоянія человѣка суть только отправленія головнаго мозга, что мысли съ такой же не-

обходимостью выдѣляются изъ головнаго мозга, съ какой изъ печени — желчь или изъ почекъ—моча. Понять всю неосновательность такихъ взглядовъ возможно не иначе, какъ изучивъ духовную жизнь въ ея существенныхъ проявленіяхъ и законахъ.

§ 5. *Задача психологіи* состоитъ въ томъ, чтобы 1) съ возможною полнотою изучить роды и виды состояній духовной жизни съ ихъ способностями вообще и 2) изучить тѣ особенныя состоянія духовной жизни, которыя развиваются въ зависимости отъ связи души съ тѣломъ. Соотвѣтственно этому и содержаніе ея раздѣляется на двѣ части.

Часть I.

О способностяхъ души и законахъ ихъ дѣятельности.

§ 6. *Сознаніе.* Самый общій и существенный признакъ всѣхъ состояній духовной жизни, подлежащихъ изученію, есть ихъ *сознательность*. Мы не только испытываемъ тѣ или другія духовныя состоянія, но еще и знаемъ то, что мы испытываемъ, не только чувствуемъ удовольствіе или страданіе, но и знаемъ объ этихъ чувствованіяхъ, не только мыслимъ и хотимъ чего-либо, но и знаемъ, о чемъ мыслимъ и чего хотимъ. *Сознаніе* это основывается на различающей и сочетающей дѣятельности души. Сознавать что-либо значитъ прежде всего *различать* отъ иного. Такъ, тепло мы сознаемъ, различая отъ холода, свѣтъ сознаемъ, различая отъ тмы, шумъ — различая отъ тишины; даже самые обыденные предметы, какъ столъ, стулъ, перо и пр., мы не могли бы сознавать, еслибы не различали отъ другихъ сходныхъ предметовъ. Предположимъ, что предсказаніе современной физики сбылось и температура всѣхъ тѣлъ уравновѣсилась и что мы продолжаемъ жить и ощущать; тогда мы безъ сомнѣнія потеряли бы ощущеніе темпера-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

туры: не имѣя возможности различить тепло отъ холода, мы не ощущали бы ни того ни другаго; можетъ быть, мы чрезмѣрно страдали бы отъ постояннаго жара или холода, но, не будучи въ состояніи различить ихъ, не знали бы, отъ чего страдаемъ. Или предположимъ, что всѣ тѣла въ мірѣ окрашены въ желтый цвѣтъ; въ такомъ случаѣ мы не только не знали бы другихъ цвѣтовъ, потому что ихъ не было бы, но не знали бы и желтаго цвѣта, потому что не отъ чего было бы различать его. Съ этой точки зрѣнія объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда мы хотимъ получить ясное и точное знаніе о видѣ, величинѣ, цвѣтѣ какого-либо предмета, непремѣнно тщательно различаемъ его отъ другихъ предметовъ. Точно также и всѣ духовныя состоянія, представленія, чувствованія и желанія мы сознаемъ только тогда, когда различаемъ отъ другихъ подобныхъ состояній. Но сознавать въ тоже время значитъ *сочетавать и отожествлять* настоящее духовное состояніе или предметъ съ другими подобными, прежде испытанными и наблюдаемыми, сознавать напр. ощущеніе краснаго цвѣта значитъ признавать, что это ощущеніе сходно или тожественно съ прежними нашими подобными ощущеніями цвѣтовъ. Если мы не можемъ данное состояніе или предметъ сочетать или отожествить съ прежде познаннымъ подобнымъ, то не можемъ и сказать, что ясно сознаемъ его.—Однако, при этомъ различеніи и сочетаніи, наше сознаніе всегда сохраняетъ свое единство, въ силу чего ему и свойственно, различая и сочетавая, никогда не распадаться на части, а удерживать въ связи предметы наблюденія и представленія ихъ. Еслибы у насъ было не одно, а много сознаній, то а) каждое представленіе, существуя въ особомъ сознаніи, только смѣнялось бы и исключалось другимъ, такъ что, послѣ вытѣсненнаго перваго представленія, всегда оставался бы только нуль; б) сознаніе поглощалось бы каждымъ новымъ пред-

ставленіемъ, съ перерывомъ всякаго отношенія къ прежде бывшему; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ совершенно не то: представленія наши находятся въ связи, мы сознаемъ ихъ множественность и разнообразіе, поставляемъ ихъ въ разнообразныя отношенія.

Отсюда получаются слѣдующіе выводы о природѣ сознанія:

1) Какъ существенный признакъ всѣхъ состояній духовной жизни, подлежащихъ изученію, сознаніе принадлежитъ душѣ, а не дается отвнѣ. Нѣкоторые психологи думаютъ, что сознаніе составляетъ только извѣстную степень силы ощущеній, потому что мы сознаемъ не всякое ощущеніе, а только достигшее высокой силы. Но противъ этого нужно замѣтить, что часто слабыя ощущенія сознаются, а сильныя остаются несознанными, смотря по тому, на которыя мы обращаемъ вниманіе: такъ, мы часто не слышимъ громкихъ криковъ неизвѣстнаго человѣка, и хорошо слышимъ шепотъ дорогаго ребенка. Часто ощущеніе сознается уже послѣ того, какъ прекратилось: такъ, въ разсѣянности мы не сознаемъ, о чемъ говорятъ съ нами, но спохватившись понимаемъ, что слышали; идя по улицѣ, мы встрѣчаемъ разныя вывѣски и объявленія, но не обращаемъ вниманія на нихъ и непосредственно за симъ не можемъ назвать ни одной, но послѣ, встрѣтивъ какую-либо изъ нихъ въ иномъ мѣстѣ и обративъ на нее вниманіе, мы сознаемъ, что видѣли ее прежде. Поэтому, нужно строго различать ощущеніе и *сознаніе* ощущенія. — Однако между сознаніемъ и ощущеніями есть и тѣсная связь. Взятое само по себѣ, въ отдѣльности отъ всякаго содержанія, отъ всякаго ощущенія, сознаніе есть только способность человѣческой души къ различающей и сочетавающей дѣятельности. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ художникомъ, способнымъ создавать тѣ или другія произведенія. Но какъ всякому такому художнику долженъ быть данъ матеріалъ для

того, чтобы онъ сталъ дѣйствительнымъ художникомъ; такъ и для того, чтобы сознаніе дѣйствительно обнаружилось въ различающей и сочетающей дѣятельности, долженъ быть данъ матеріалъ, надъ которымъ оно могло бы работать. Такой матеріалъ и доставляютъ прежде всего ощущенія. Со временъ Аристотеля, психологія утверждала и утверждаетъ, что всѣ наши представленія, понятія, чувствованія и желанія, словомъ все содержаніе нашего сознанія о данномъ въ опытѣ, получается изъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на нашу нервную систему: человѣкъ безъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія не былъ бы и человѣкомъ. Въ пользу этого достаточно указать тотъ фактъ, что у людей, утратившихъ способность ощущенія, вслѣдствіе болѣзни головнаго мозга, обыкновенно не замѣчается никакихъ слѣдовъ сознательной духовной жизни, что вообще и здоровыя, но слѣпо — и глухорожденныя дѣти остаются въ состояніи, почти одинаковомъ съ животными, если недостатокъ этихъ органовъ не будетъ восполненъ искуснымъ воспитаніемъ и обученіемъ. Поэтому, слѣдуетъ сказать, что необходимымъ условіемъ для того, чтобы сознаніе стало различать и сочетавать, служатъ ощущенія. Отсюда—нѣтъ ничего удивительнаго, что мы никогда не наблюдаемъ сознаніе въ его чистой природѣ, а всегда наблюдаемъ тѣ или другія сознательныя состоянія — ощущенія, представленія, понятія, чувствованія, хотѣнія.

2) Обнаруживаясь въ сравнивающей — различающей и сочетавающей дѣятельности, — *сознаніе имѣетъ различныя степени ясности и силы*, смотря по тому, какъ произведено различеніе и сочетаніе. Низшую степень *ясности* составляетъ такъ называемая темнота сознанія, когда мы неточно, неясно различаемъ и сочетаемъ предметы. Такъ мы сознаемъ напр. а) тѣ духовныя состоянія, которыя раньше ясно сознавались, но въ данное время находятся какъ бы за предѣлами сознанія: мои географическія

знанія когда-то были очень отчетливы, а теперь — темны; б) тѣ состоянія, которыя въ настоящее время подавлены другими, сильнѣйшими представленіями, чувствованіями и хотѣніями: въ глубокой задумчивости, страстномъ увлеченіи, аффектѣ, мы не сознаемъ ясно ни удушливаго воздуха, ни неудобства внѣшняго положенія, ни даже окружающихъ лицъ; в) тѣ состоянія, которыя чрезвычайно быстро слѣдуютъ одно за другимъ, не отдѣляясь одно отъ другаго: въ шумѣ морскихъ волнъ, въ говорѣ народной толпы, мы не различаемъ отдѣльныхъ звуковъ, изъ которыхъ они образуются. Потемнѣніе сознанія можетъ дойти до полной безсознательности: такъ напр. бываетъ въ обморокѣ, глубокомъ снѣ, экстазѣ и т. п.; но такъ же бываетъ нерѣдко и въ нормальной, бодрственной жизни: напр. мы часто не сознаемъ, почему любимъ или ненавидимъ извѣстную личность, предметъ, часто вѣримъ въ справедливость правилъ и положеній, не сознавая основаній такой увѣренности. Иногда такія безсознательныя состоянія могутъ сдѣлаться сознательными. Въ этомъ случаѣ важное значеніе имѣютъ слѣдующія условія: а) степень нашей внимательности къ несознаваемымъ состояніямъ, такъ что чѣмъ съ большей настойчивостью мы пытаемся опредѣлить ихъ, тѣмъ вѣрнѣе достигаемъ цѣли и наоборотъ: настойчиво доискиваясь напр., почему мы любимъ и уважаемъ извѣстную личность, припоминая всѣ отношенія къ ней, всѣ ея характерныя особенности, мы наконецъ найдемъ достаточныя причины; б) степень связи этихъ состояній съ нашими обыденными духовными состояніями: напр. мы видѣли сонъ, поразившій насъ своей видимой связью съ событіями бодрственной жизни, но забыли его; припоминая отчетливо предшествовавшія состоянія бодрственной жизни, мы можемъ припомнить и сновидѣніе. Но иногда состоянія эти такъ и остаются несознанными: это бываетъ напр. съ состояніями во время обморока, экстаза, о которыхъ мы чаще всего узнаемъ

уже отъ другихъ людей. Высшую степень ясности сознанія имѣютъ тѣ духовныя состоянія, которыя мы не только отличаемъ отъ другихъ, но въ которыхъ различаемъ ихъ составныя части, даже элементы частей и ихъ отношеніе между собой: съ такой ясностью мы напр. сознаемъ мѣста нашей родины, несчастныя и счастливыя событія нашей жизни и т. п. Всѣ остальныя степени ясности сознанія расположены между этими двумя крайними пунктами.—Низшую степень *силы* или напряженности сознанія составляетъ разсѣянность, когда мы не сосредоточиваемъ сознаніе на предметѣ, нужномъ для насъ: разсѣянно напр. слушаемъ урокъ или разсказъ, когда, вмѣсто того, чтобы обратить на него сознающую дѣятельность души, заняты бываемъ какими-либо сторонними представленіями, чувствованіями и желаніями, и только мелькомъ замѣчаемъ то, что говорится. Высшую степень силы составляетъ сосредоточеніе сознанія на одномъ какомъ-либо предметѣ, напр. на интересномъ разсказѣ, серьезной работѣ и т. п. Степень этого сосредоточенія находится въ обратномъ отношеніи къ его продолжительности: мы утомляемся тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большей сосредоточенностью останавливаемся на предметѣ. Обыкновенно такое сосредоточеніе поддерживается разнообразіемъ впечатлѣній и силой воли, научной или практической пользой занятій, обѣщаемыми удовольствіями, привычкой къ труду, и ослабляется при противоположныхъ условіяхъ.

3) Наконецъ, сознаніе наше всегда связано съ *самосознаніемъ*. Въ каждомъ актѣ сознательной дѣятельности мы относимъ къ себѣ тѣ или другія состоянія: мы сознаемъ, что *мы* лежимъ, сидимъ, ощущаемъ звукъ, размышляемъ, чувствуемъ, хотимъ. Но относя разнообразныя состоянія къ своему *я*, мы тѣмъ самымъ отличаемъ это *я* отъ всѣхъ переживаемыхъ состояній; въ этомъ случаѣ состоянія суть содержаніе сознанія, а *я* — субъэктъ сознающій. Отличать

же свое *я* отъ всѣхъ состояній и значитъ сознавать себя. Впрочемъ это самосознаніе не всегда обнаруживается съ одинаковой отчетливостью: а) оно бываетъ косвеннымъ, когда различающая дѣятельность сознанія всецѣло направлена на предметъ сознаваемый; въ этомъ случаѣ хотя мы и имѣемъ сознаніе своего *я*, потому что относимъ къ себѣ представляемый предметъ, но это самосознаніе составляетъ только второстепенную сторону въ нашей сознательной дѣятельности; б) оно бываетъ прямымъ и непосредственнымъ, когда мы и предметомъ сознающей дѣятельности ставимъ свое *я*, на него обращаемъ сознаніе; въ этомъ случаѣ мы постигаемъ свое *я*. — Но различая свое *я* отъ всѣхъ его состояній, мы въ тоже время признаемъ его тожественнымъ и неизмѣннымъ. Наши мысли, чувствованія и желанія постоянно измѣняются, но *я* мыслящее, чувствующее и желающее остается одно и тоже; отсюда въ каждый моментъ нашей жизни мы приписываемъ своему *я* всѣ прежнія состоянія и настоящія. Быть можетъ намъ непріятно и вспоминать прежнія дурныя дѣла, но мы никогда не можемъ сказать, что эти дѣла совершили не *мы*, не наше *я*, а кто-то иной.

§ 7. *Главныя формы сознательной духовной жизни.* При сознательности, какъ общемъ и существенномъ признакѣ всѣхъ состояній духовной жизни, подлежащихъ изученію, есть между ними и существенная общая разница. Каждый, наблюдая за собой, можетъ замѣтить въ ходѣ своей духовной жизни три момента: онъ, какъ существо ограниченное, воспринимаетъ впечатлѣнія отъ окружающаго міра и переработываетъ ихъ по законамъ своего ума, испытываетъ пріятныя или непріятныя чувствованія, и воздѣйствуетъ на окружающій міръ и себя самого; отсюда въ духовной жизни каждаго человѣка различаются: *познавательная дѣятельность*, *чувствованія*, и *практическая дѣятельность*. Но такъ какъ ни одно существо не можетъ жить жизнію и испытывать

состояній противныхъ его природѣ, то слѣдуетъ допустить и въ душѣ человѣческой три способности: *познанія, чувствованій и практической дѣятельности.* Эта тройственность способностей не противорѣчитъ единству души, потому что способности — не части души, а означаютъ только природное расположеніе ея къ различнымъ состояніямъ духовной жизни. Какъ физическое тѣло, являясь теплымъ и холоднымъ, свѣтлымъ и темнымъ, не перестаетъ быть единымъ тѣломъ, такъ и душа, проявляя свою жизнь въ разнородныхъ состояніяхъ, не перестаетъ быть единой: если она мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ, то вся мыслитъ, вся чувствуетъ и дѣйствуетъ, а не по частямъ. Съ другой стороны нельзя эти способности и свести къ одной какой-либо, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ относительную самостоятельность. Нельзя напр. изъ познанія вывести практическую дѣятельность, потому что въ познаніи душа только воспринимаетъ впечатлѣнія отъ предметовъ и вырабатываетъ ощущенія, представленія и понятія, а въ практической жизни воздѣйствуетъ на міръ и себя, домогаясь совершенства, блага, счастія и избѣгая порока, зла, страданій; нельзя вывести и чувствованій изъ познаній, потому что въ познаніяхъ душа стремится только опредѣлить, какъ предметы существуютъ на самомъ дѣлѣ, но остается совершенно равнодушной, не испытывая радости или печали, а въ чувствованіяхъ она оцѣниваетъ значеніе предметовъ для насъ, соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе ихъ съ нашими мыслями и желаніями, и въ первомъ случаѣ — радуется, во второмъ — страдаетъ, почему чувствованія и имѣютъ субъективный характеръ; нельзя вывести чувствованій и изъ практической дѣятельности, потому что въ послѣдней душа воздѣйствуетъ на міръ и себя, а въ чувствованіяхъ сама испытываетъ пріятныя или непріятныя состоянія отъ воздѣйствія на нее предметовъ. Но способности эти, какъ принадлежащія единой душѣ, не могутъ быть и раздѣлены одна отъ

другой. Каждое душевное состояніе заключаетъ въ себѣ элементы представленія, чувствованія и хотѣнія. Желаніе напр. пищи заключаетъ въ себѣ и представленіе предмета желаемаго и чувство недостатка его; чувство страха заключаетъ и представленіе предмета страшнаго и желаніе избѣжать его. Все различіе между этими состояніями сводится къ тому, что въ нихъ одна какая-либо сторона — представленіе, чувствованіе или желаніе — преобладаетъ надъ другими. Наконецъ, способности эти, постепенно развиваясь, обнаруживаются въ состояніяхъ, различающихся по степени совершенства; низшія изъ этихъ состояній напоминаютъ таковыя же въ жизни животныхъ, въ высшихъ же ясно обнаруживается дѣйствіе души собственно человѣческой. Но такъ какъ не можетъ душа человѣческая обнаруживать на высотѣ развитія такіе признаки, которые не присущи ей изначала, то, очевидно, она уже по самой природѣ отличается отъ души животныхъ. — Отсюда и ближайшая задача психологіи изслѣдовать эти способности въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ.

I.

Способность познанія. (Сознаніе познающее).

§ 8. *Частныя формы и степени познавательной способности.* Способность познанія обнаруживается въ томъ, что мы сознаемъ: а) ощущенія, возникающія въ душѣ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на органы чувствъ и нервы, б) представленія предметовъ, когда послѣдніе уже перестали дѣйствовать на нервы, в) самые законы и формы нашей сознательной дѣятельности, руководясь которыми уже сознательно, разграничиваемъ одни, сочетаемъ другія представленія, отыскивая общее и существенное въ нихъ и оставляя частное и случайное, г) тѣ высшія начала или нормы, по руководству которыхъ должна развиваться и совершенствоваться наша духовная жизнь.

Поэтому, въ способности познанія, постепенно развивающейся, можно различать слѣдующія ступени: способность ощущеній или чувственное сознаніе, способность представленій или представляющее сознаніе, способность разсудка или мыслящее сознаніе и способность разума или идеальное сознаніе.

1) Способность ощущеній.

§ 9. Способности ощущеній или чувственному сознанію свойственно различать, отожествлять и сочетать тѣ состоянія, которыя душа испытываетъ, когда воспринимаетъ впечатлѣнія, дѣйствующія на нервную систему. Состоянія эти обыкновенно называются ощущеніями. Такъ, когда внѣшнее впечатлѣніе подѣйствовало на органъ слуха и подъ вліяніемъ его душа испытала особое состояніе, мы говоримъ, что ощущаемъ звукъ; когда внѣшнее впечатлѣніе подѣйствовало на органъ зрѣнія и душа опять испытала особое состояніе, мы говоримъ, что ощущаемъ цвѣтъ — красный, зеленый и т. д. Ощущенія эти лежатъ въ основаніи всей нашей познавательной дѣятельности: какъ слѣпой не видавшій цвѣтовъ, не можетъ и представить ихъ, такъ и мы не можемъ ничего знать о томъ, чего не ощущали; изъ ощущеній вырабатываются представленія, понятія и цѣлыя системы знаній о томъ, что дано въ опытѣ.

При ближайшемъ анализѣ, въ происхожденіи каждаго ощущенія, сознаваемаго нами, нужно различать три послѣдовательныя ступени: а) физическую или впечатлѣнія, дѣйствующія на нервную систему, б) физіологическую или раздраженіе нервной системы подъ вліяніемъ впечатлѣній и в) психическую или возникновеніе въ душѣ особыхъ состояній, именно — ощущеній.

§ 10. *Физическая ступень въ ощущеніи.* Всѣ впечатлѣнія, дѣйствующія на нашу нервную систему, суть движенія различнаго рода тѣлъ: то движется какое-либо вѣсомое

тѣло, — въ родѣ дерева, камня, воздуха, воды, — то невѣсомое,—въ родѣ электричества, свѣта, теплоты, — и дѣйствуетъ на органы и нервы.

Движенія этихъ тѣлъ можно раздѣлить на *общія* и *частныя*. Первыя дѣйствуютъ на каждый изъ органовъ нашего тѣла и въ каждомъ вызываютъ раздраженіе, соотвѣтственное его природѣ. Сюда относятся: а) механическое давленіе или толчокъ, б) движеніе электричества, в) движеніе теплоты и г) химическія дѣйствія. Каждое изъ этихъ движеній, взятое въ извѣстной степени силы и скорости, дѣйствуя на органъ зрѣнія, вызываетъ въ душѣ ощущеніе свѣта или цвѣта, дѣйствуя на органъ слуха, вызываетъ ощущеніе звука и т. д. Вторыя, дѣйствуя на одинъ какой-либо органъ и вызывая въ душѣ соотвѣтственное ощущеніе, не оказываютъ вліянія на остальные органы и не вызываютъ ощущеній; поэтому движенія эти различны для разныхъ органовъ: для глаза — движенія свѣтоваго эфира, для уха — движенія воздушныхъ волнъ, для вкуса и обонянія — химическія дѣйствія, происходящія отъ вліянія жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ тѣлъ на эти органы, для осязанія — давленіе тѣлъ.

§ 11. *Физіологическая ступень въ ощущеніи* распадается на двѣ части: 1) Возбужденіе органовъ внѣшнихъ чувствъ. Если мы будемъ напр. возбуждать холодной водой не органы, въ которыхъ оканчиваются осязательные нервы, а самый нервъ, то получимъ ощущеніе не холода, а боли; если волны свѣтоваго эфира или воздуха дѣйствуютъ не на органы зрѣнія и слуха, а на нервы зрительный или слуховой, то не вызываютъ ощущеній свѣта или звука. 2) Возбужденіе животной нервной системы. Животная нервная система подраздѣляется на периферическую и центральную. Периферическую составляютъ тѣ нервы, которые въ видѣ нитей распространены отъ центра тѣла къ его окружности. По внѣшнему виду они напоминаютъ бѣлые шелковые

шнурки; по толщинѣ — чрезвычайно разнообразны: самый большой нервъ человѣка (сѣдалищный) немного тоньше мизинца, но затѣмъ встрѣчаются всѣ переходныя степени до толщины ниточекъ, едва замѣтныхъ для глаза; выходятъ нервы парами — изъ головнаго мозга (12 паръ) и изъ спинного (31 пара), но не идутъ на всемъ протяженіи раздѣльно, а вступаютъ въ разнообразныя сплетенія и образуютъ цѣлую сѣть; оканчиваются на окружности (периферіи) тѣла. Центральную систему составляютъ спинной и головной мозгъ. Оба они помѣщаются въ крѣпкихъ костныхъ хранилищахъ: первый — въ спинномъ хребтѣ, второй — въ головномъ черепѣ; оба снаружи обтянуты тремя оболочками: твердой, паутинной и мягкой; составляютъ $^1/_{40}$ долю вѣса всего тѣла. Но по своему строенію они различны. — Спинной мозгъ имѣетъ форму продолговатаго цилиндра; снаружи онъ состоитъ изъ бѣлаго вещества, а внутри изъ сѣраго; бѣлое вещество постоянно увеличивается въ немъ по направленію снизу вверхъ, сѣрое же увеличивается въ верхней части поясницы, гдѣ выходятъ нервы ногъ, и въ нижней части шеи, гдѣ выходятъ нервы рукъ; распространено сѣрое вещество въ видѣ роговъ, изъ которыхъ одни обращены къ передней сторонѣ человѣческаго тѣла, а другіе къ задней, къ спинѣ. — Головной мозгъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, между которыми наиболѣе важенъ большой мозгъ. Съ верхней стороны по всей своей длинѣ этотъ послѣдній раздѣляется на два полушарія глубокой бороздой. Поверхность полушарій не ровна, а покрыта множествомъ извилинъ, не симметрично расположенныхъ и отдѣленныхъ одна отъ другой узкими бороздами. Состоятъ эти полушарія снаружи изъ сѣраго вещества, а внутри изъ бѣлаго.

По матеріалу, вся нервная система представляетъ соединеніе веществъ — бѣлаго и сѣраго. Бѣлое вещество, которое встрѣчается въ центральной нервной системѣ и изъ котораго образована периферическая нервная система,

состоитъ изъ нервныхъ волоконъ. По внѣшнему виду, эти волокна похожи на очень тонкія, бѣлыя, шелковыя нити; по толщинѣ, они очень незначительны: діаметръ ихъ равняется отъ $^1/_{1500}$ до $^1/_{12000}$ дюйма; состоитъ каждое изъ нихъ изъ оболочки, полужидкаго содержимаго и осеваго цилиндра, сложеннаго изъ тончайшихъ параллельныхъ волоконъ; наиболѣе важной частью нужно признать осевой цилиндръ, потому что безъ осеваго цилиндра не бываетъ нервныхъ волоконъ, между тѣмъ есть много волоконъ, которыя начинаются осевыми цилиндрами безъ оболочекъ, есть и такія волокна, въ которыхъ не бываетъ полужидкаго вещества; значеніе оболочки и жидкаго содержимаго состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы уединить осевой цилиндръ и тѣмъ дать ему возможность безпрепятственно проводить полученныя возбужденія. Сѣрое вещество состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ. По внѣшнему виду, эти клѣточки бываютъ овальными, круглыми, часто угловатыми и немного сплюснутыми, — бываютъ безъ отростковъ и съ отростками: по числу отростковъ они раздѣляются на однополярныя, двуполярныя и многополярныя; по величинѣ бываютъ чрезвычайно разнообразны, отъ $^1/_{300}$ до $^1/_{3000}$ дюйма въ діаметрѣ; устроена каждая клѣточка изъ оболочки, зернистаго содержимаго и въ немъ круглаго ядра, имѣющаго одно или два зернышка. То и другое вещество нервной системы находятся между собой въ тѣсной связи, потому что нервныя волокна обыкновенно выходятъ изъ клѣтокъ и на своемъ пути проникаютъ также клѣтки.

По своему значенію, отдѣльныя части нервной системы различаются между собой. а) Что касается нервовъ периферической системы, то ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что они проводятъ впечатлѣнія, какъ телеграфная проволока передаетъ токъ электричества. Убѣдиться въ этомъ легко. Предположимъ, что мы перерѣзали какой-либо нервъ по срединѣ между нервнымъ центромъ и окончаніемъ въ орга-

нѣ. Если потомъ мы будемъ раздражать ту часть нерва, которая оканчивается въ органѣ, то не получимъ никакого ощущенія. „Достаточно, говоритъ Шваннъ, разрѣзать напр. всѣ нервы плеча подъ мышкой, чтобы сдѣлать этотъ членъ (руку) чуждымъ нашей волѣ. Можно въ этомъ случаѣ отрѣзать палецъ и паціентъ этого не замѣтитъ, самыя огромныя усилія нашей воли не въ состояніи произвести ни малѣйшаго движенія пальцами". Если же мы будемъ раздражать нервъ въ той части, которая связана съ нервнымъ центромъ, получимъ ощущеніе. Но не всѣ нервы одинаково проводятъ впечатлѣніе: есть нервы чувствительные, передающіе впечатлѣніе отъ окончанія въ органѣ (периферіи) къ центру, и нервы двигательные, передающіе впечатлѣніе отъ центра къ периферіи. Это различіе въ особенности ясно видно на переднихъ и заднихъ рогахъ спиннаго мозга: всѣ нервы переднихъ роговъ — исключительно двигательные, заднихъ — чувствительные. Зависитъ такое различіе нервовъ въ проводимости впечатлѣній не отъ ихъ строенія, потому что всѣ они по строенію одинаковы и способны передавать впечатлѣніе отъ периферіи къ центру и обратно, а отъ тѣхъ органовъ, съ которыми соединены нервы на своихъ концахъ: чувствительные нервы оканчиваются въ органахъ, способныхъ только воспринимать впечатлѣнія, двигательные же оканчиваются въ мускулахъ, способныхъ къ движенію. б) Значеніе большаго мозга состоитъ въ томъ, что онъ служитъ органомъ сознанія; если, поэтому, удалить его изъ головы, то животное можетъ еще жить, его нервы продолжаютъ раздражаться въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ впечатлѣній, но оно не будетъ сознавать никакихъ психическихъ состояній, не будетъ имѣть ни ощущеній, ни представленій, ни чувствованій, ни желаній.

Что же происходитъ въ нервной системѣ подъ вліяніемъ впечатлѣній? Предполагаютъ большинство ученыхъ,

что въ нервной системѣ постоянно происходитъ молекулярное движеніе. Въ развитіи этого движенія различаютъ: положительную молекулярную работу нервовъ и отрицательную. Первая состоитъ въ томъ, что болѣе сложныя, но менѣе прочныя соединенія веществъ, — молекулы, въ нервныхъ тканяхъ переходятъ въ болѣе простыя, но твердыя, въ атомы; вторая, наоборотъ, въ образованіи болѣе сложныхъ соединеній или молекулъ изъ атомовъ; первая сопровождается тратой вещества и силъ, а вторая накопленіемъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, усиливается та и другая работа и распространяется по всей длинѣ возбужденнаго нерва. Здѣсь замѣчается та особенность, что съ длиной нерва молекулярное движеніе не ослабѣваетъ, какъ это бываетъ съ электрическимъ токомъ, идущимъ по телеграфной проволокѣ, а все болѣе и болѣе усиливается; поэтому чѣмъ длиннѣе нервъ, въ которомъ происходитъ оно, тѣмъ болѣе сильное возбужденіе получается. Скорость этого движенія сравнительно не велика: между тѣмъ какъ электричество проходитъ въ секунду 1300 мил. футовъ, свѣтъ 900 мил. футовъ, орелъ 100 фут., движеніе по нерву проходитъ 90 фут. въ секунду. Направляется это движеніе къ мозговымъ центрамъ. Въ нервныхъ клѣточкахъ сѣраго вещества мозговыхъ центровъ происходитъ точно такое-же молекулярное движеніе.

§ 12. *Психическая ступень ощущеній* состоитъ въ томъ, что душа испытываетъ особое состояніе, вызванное молекулярнымъ движеніемъ въ клѣточкахъ сѣраго вещества большаго мозга. Участіе души въ актѣ ощущеній доказывается прямо и ясно субъэктивнымъ характеромъ ощущеній. Всѣ внѣшнія впечатлѣнія, дѣйствующія на нервную систему, суть движенія, различающіяся между собой по скорости и формѣ, между тѣмъ мы испытываемъ ощущенія, различающіяся между собой по качественной сторонѣ: внѣ насъ напр. существуютъ различныя движенія свѣтоваго

эфира, которыя и дѣйствуютъ на нашъ зрительный органъ и нервъ, а мы ощущаемъ различные цвѣта; внѣ насъ существуютъ различныя движенія волнъ воздуха, которыя и дѣйствуютъ на органъ слуха и нервъ, а мы ощущаемъ различные звуки; внѣ насъ существуютъ движущіяся частицы пахучихъ веществъ, которыя и дѣйствуютъ на обонятельный органъ и нервъ, а мы ощущаемъ различные запахи и т. д. Если, поэтому, мы приписываемъ тѣмъ или другимъ предметамъ цвѣтъ, вкусъ, запахъ, звукъ и т. п., то это не значитъ, что они на самомъ дѣлѣ владѣютъ этими свойствами, а значитъ только то, что всѣ эти предметы, дѣйствующіе на органы и нервы, вызываютъ въ насъ различныя состоянія цвѣта, вкуса, запаха и т. п., которыя мы и относимъ къ нимъ. Является только вопросъ: какимъ же образомъ внѣ насъ существующія движенія, дѣйствующія на наши органы и нервы, превращаются въ ощущенія цвѣтовъ, вкусовъ, запаховъ и т. п.? Гдѣ совершается это превращеніе? Нельзя допустить, что это превращеніе совершается въ нервахъ, а) потому что въ нихъ происходитъ только молекулярное движеніе, которое, какъ и всякое движеніе, не имѣетъ никакого сходства съ спокойнымъ качественнымъ ощущеніемъ цвѣта или звука; б) потому что всѣ нервы одинаковы и по своему строенію и по процессамъ въ нихъ происходящимъ, а между тѣмъ мы испытываемъ различныя ощущенія; в) раздраженіе происходитъ не въ одномъ нервномъ волокнѣ, а въ нѣсколькихъ, ощущеніе же всегда просто и единично. Нельзя допустить, что это превращеніе совершается въ нервныхъ клѣточкахъ сѣраго вещества большаго мозга, потому что и въ нихъ происходитъ то же молекулярное движеніе и онѣ по строенію и процессамъ въ нихъ происходящимъ равны; да и вообще нельзя допустить, что такое превращеніе совершается въ тѣлѣ, потому что въ немъ могутъ происходить только разнообразные процессы движенія, но никакъ не качественныя

спокойныя состоянія цвѣтовъ или запаховъ. Остается допустить помимо тѣла съ его нервами существованіе души, какъ начала отличнаго отъ тѣла, которая, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на органы и нервную систему, испытываетъ разнообразныя ощущенія цвѣтовъ, запаховъ, вкусовъ, звуковъ и т. п.

§ 13. *Степени ощущенія.* Въ развитіи каждаго ощущенія, какъ состоянія нашей души, можно различить слѣдующіе моменты. Первымъ результатомъ, возникающимъ въ душѣ подъ вліяніемъ раздраженій нервной системы, является такъ называемое *чувственное воспріятіе.* Оно есть не что иное, какъ возбужденіе въ нашей душѣ раздраженіями нервовъ качественно различныхъ состояній цвѣта, звука и т. п. „Когда я обоняю розу, говоритъ Ридъ, то чувствуемый мною пріятный запахъ, разсматриваемый самъ по себѣ, безъ отношенія къ какому-либо внѣшнему предмету, есть чувственное воспріятіе. Оно и можетъ быть только тѣмъ, чѣмъ оно ощущается: въ ощущаемости состоитъ вся его сущность и когда оно не ощущается, оно и не существуетъ.“— Другимъ результатомъ, непосредственно слѣдующимъ за чувственнымъ воспріятіемъ, является *чувственное воззрѣніе или усмотрѣніе.* Оно состоитъ въ томъ, что душа относитъ испытываемое ею чувственное воспріятіе къ тому внѣшнему предмету, который, подѣйствовавъ на нервную систему, вызвалъ это воспріятіе, и т. о. выдѣляетъ его въ ряду другихъ предметовъ, какъ занимающій опредѣленный пунктъ въ пространствѣ и времени. Такъ, воспріятія осязанія мы не только относимъ къ тѣмъ мѣстамъ кожи (локализація), на которыя подѣйствовало впечатлѣніе, но часто полагаемъ ихъ внѣ нашего тѣла: напр. легкое прикосновеніе къ волосамъ, которые суть не чувствительныя роговыя нити, мы ощущаемъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ кожи, въ мѣстѣ прикосновенія; тоже самое замѣчается и относительно зубовъ. Если утвердимъ палочку между оконечностями паль-

цевъ и столомъ, то получимъ два ощущенія: одно въ оконечностяхъ пальцевъ, другое на противоположномъ концѣ палочки; если ударить топоромъ по дереву, то получимъ ощущенія—толчка топорища въ руку и удара въ дерево. На этомъ двойномъ характерѣ ощущеній осязанія основывается употребленіе всѣхъ инструментовъ и приборовъ (ножа, вилки, палки и т. п.) Воспріятія зрѣнія точно также мы непроизвольно и необходимо относимъ во внѣ. Наблюденія показываютъ, что лучи свѣта, падающіе на глазъ, относятся нами во внѣ, и направленіе этого отношенія всегда совпадаетъ съ линіей, по которой лучи свѣта соединились въ возбужденномъ мѣстѣ сѣтчатой оболочки глаза; слѣд. душа какъ бы обратно слѣдитъ за лучами до ихъ исходнаго пункта и т. о. относитъ во внѣ свои свѣтовыя ощущенія по тому же пути, по которому получаетъ ихъ. Отсюда легко объясняется, почему мы видимъ предметы прямо, хотя на сѣтчаткѣ глаза получаемъ ихъ обратное изображеніе, видимъ двумя глазами но вдвойнѣ, а одинъ предметъ, потому что относимъ свои воспріятія къ одному мѣсту. И воспріятія другихъ органовъ мы также относимъ къ внѣшнимъ предметамъ, отъ которыхъ получаемъ ихъ, относимъ звуки, вкусы, запахи. Причина такого отношенія душой своихъ воспріятій во внѣ заключается въ томъ, что она, будучи связана съ тѣломъ и при посредствѣ его съ внѣшнимъ міромъ, отъ природы уже имѣетъ *стремленіе* полагать во внѣ свои воспріятія, съ цѣлію приспособиться къ этому міру. Но такъ какъ душа относитъ во внѣ не всѣ свои состоянія (напр. не относитъ созданій воображенія), то значитъ причина этого заключается и въ самыхъ ощущеніяхъ или воспріятіяхъ. Она состоитъ въ томъ, что внѣшнія ощущенія навязываются душѣ такъ, что она *вынуждена* бываетъ имѣть ихъ. при всѣхъ напр. противныхъ запахахъ, вкусахъ, звукахъ мы совершенно ясно чувствуемъ, что они тѣснятся въ насъ, что мы вынуждены имѣть ихъ. Отсюда безсо-

значительно руководясь закономъ причинности, душа и источники своихъ ощущеній видитъ не въ себѣ, а въ предметахъ, находящихся внѣ ея, независимыхъ отъ нея.—Наконецъ, необходимымъ условіемъ совершенства и полноты ощущенія служитъ *вниманіе*. Мы замѣчаемъ, что часто и сильныя впечатлѣнія не вызываютъ сознательныхъ ощущеній, часто ощущенія одинаковой силы то сознаются, то не сознаются нами; равномѣрно дѣйствующій дневной свѣтъ и равномѣрно продолжающійся дневной шумъ вызываютъ ощущенія, которыя мы однако не сознаемъ (мельникъ спитъ подъ шумъ мельницы, но пробуждается, когда она останавливается); погрузившись въ мысли, мы долго всматриваемся въ какой-либо предметъ, не сознавая, *что* мы видимъ и что вообще мы смотримъ; въ аффектахъ ужаса, гнѣва и т. п. мы не замѣчаемъ даже сильныхъ ощущеній (солдатъ въ пылу битвы не замѣчаетъ того, что онъ раненъ); если насъ во снѣ будутъ щекотать, мы совершаемъ извѣстныя движенія,—стягиваемъ кожу въ складки, сгибаемъ подошвы ногъ, тремъ мѣсто, которое подвергается щекотанію и т. д., но не сознаемъ ничего этого. Эти и подобные факты объясняются единственно тѣмъ, что мы не обратили *вниманія* на состоянія души и потому не сознаемъ ихъ. Оно состоитъ въ томъ, что душа сосредоточиваетъ сознающую, различающую дѣятельность на ощущеніи, которое получила или ожидаетъ получить. Благодаря этому, мы не только замѣчаемъ ощущенія отъ предметовъ, но и открываемъ въ нихъ такія стороны, которыя иначе остались бы не замѣченными: каждому случалось напр., внимательно всмотрѣвшись въ древесную кору, замѣчать здѣсь такихъ мелкихъ насѣкомыхъ, которыя при первомъ взглядѣ были не замѣтны. На первыхъ порахъ вниманіе наше возбуждается *непроизвольно* силой впечатлѣній, новостью ихъ, контрастомъ съ прежними впечатлѣніями, смѣной предметовъ, интересомъ къ нимъ и т. п; но по мѣрѣ развитія силы воли, мы пріу-

обрѣтаемъ способность и произвольно сосредоточивать вниманіе на такихъ предметахъ, которые сами по себѣ и не имѣютъ интереса, но которые намъ нужно знать, напр. заучивая таблицу умноженія.

§ 14. Въ каждомъ ощущеніи, которое мы ясно сознаемъ, можно различать три стороны: *содержаніе*, *силу* и *тонъ*. *Содержаніе* ощущеній составляетъ ихъ качественная сторона: для зрительныхъ ощущеній такимъ содержаніемъ являются цвѣта, для слуховыхъ звуки и т. д. Разнообразіе нашихъ ощущеній по содержанію зависитъ прежде всего отъ разнообразія внѣшнихъ впечатлѣній. Всѣ внѣшнія впечатлѣнія суть движенія тѣлъ, но движенія эти до безконечности разнообразны по своей формѣ и скорости. Соотвѣтственно этому, дѣйствуя на наши органы, они вызываютъ разнообразныя по содержанію ощущенія. Если напр. въ темной комнатѣ привести въ движеніе желѣзный шестъ, укрѣпленный между потолкомъ и поломъ, то, по мѣрѣ того какъ движеніе будетъ ускоряться, мы будемъ послѣдовательно испытывать ощущенія слуховыя, температурныя, зрительныя, обонятельныя и вкусовыя. *) Но съ другой стороны, разнообразное содержаніе ощущеній зависитъ отъ разнообразнаго устройства органовъ. Каждый изъ нашихъ органовъ устроенъ такимъ образомъ, что какое бы внѣшнее впечатлѣніе на него ни дѣйствовало, всегда раздраженіе его вызываетъ въ душѣ ощущеніе, соотвѣтственное его природному устройству: какое бы впечатлѣніе ни дѣйствовало на насъ, всегда, раздражая органъ зрѣнія, оно вызоветъ ощущеніе свѣта или цвѣта, раздражая органъ слуха, вызоветъ ощущеніе звука, раздражая органъ обоня-

---

*) Начиная отъ 16 колебаній въ секунду до 33000 ухо воспринимаетъ рядъ звуковъ; потомъ наступаетъ тишина; при 18 мил. колебаній, кожа начинаетъ ощущать дѣйствіе лучистой теплоты; начиная съ 452 билл. колебаній глазъ воспринимаетъ цвѣта, наиболѣе ускоренное движеніе (800 билл.) обнаруживаетъ химическое дѣйствіе на носъ и языкъ.

нія, вызоветъ ощущеніе запаха и проч. Поэтому одинъ и тотъ же солнечный лучъ, дѣйствуя на органъ зрѣнія, вызываетъ ощущеніе свѣта, дѣйствуя на органъ осязанія,— ощущеніе теплоты; одинъ и тотъ же толчекъ, дѣйствуя на ухо, вызываетъ ощущеніе звука, дѣйствуя на глазъ, вызываетъ ощущеніе свѣта и т. д. Такое свойство органовъ чувствъ называется специфической энергіей ихъ. *Сила* ощущеній есть степень ихъ напряженности или интенсивности. И по силѣ ощущенія также разнообразны: они могутъ быть такъ слабы, что едва замѣчаются нашей душой, и такъ сильны, что подавляютъ сознающую душу. Это разнообразіе ощущеній по силѣ зависитъ отъ разнообразной силы внѣшнихъ впечатлѣній, раздражающихъ нервную систему: чѣмъ слабѣе бываетъ раздраженіе, тѣмъ слабѣе и ощущеніе и наоборотъ. Та степень внѣшняго раздраженія, которая вызываетъ въ душѣ самое слабое ощущеніе, называется minimum раздраженія; наоборотъ, та степень раздраженія, которая вызываетъ въ душѣ самое сильное ощущеніе, называется maximum раздраженія. Minimum раздраженія для различныхъ органовъ чувствъ неодинаковъ: самое слабое зрительное ощущеніе получимъ мы, по изслѣдованіямъ ученыхъ, когда освѣтимъ полоску бѣлой бумаги, находящуюся отъ насъ на разстояніи 5½ метровъ, свѣтомъ въ триста разъ слабѣйшимъ свѣта полной луны; самое слабое слуховое ощущеніе получимъ, когда пробковый шарикъ въ 1 миллиграммъ вѣсомъ, въ разстояніи отъ насъ на 91 метръ, падаетъ съ высоты одного метра; самое слабое ощущеніе давленія получимъ, когда на чувствительнѣйшія мѣста кожи,—губы, виски и т. п.—давитъ тяжесть въ 2 миллиграмма вѣсомъ. Для другихъ ощущеній minimum раздраженія не найденъ еще. Maximum раздраженія опредѣлить очень трудно, сильныя раздраженія органовъ чувствъ ведутъ за собой поврежденія этихъ органовъ, сильный звукъ оглушаетъ насъ, сильный свѣтъ

ослѣпляетъ и т. п. Поэтому maximum раздраженія для тѣхъ или другихъ органовъ до сихъ поръ еще не опредѣленъ. Съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ раздраженія естественно должно увеличиться или уменьшиться и ощущеніе. Но величина, которую нужно прибавить къ внѣшнему раздраженію или убавить для того, чтобы увеличилось замѣтно или уменьшилось соотвѣтственное ощущеніе, для различныхъ органовъ опять-таки различна: по изслѣдованіямъ ученыхъ, для того, чтобы зрительное ощущеніе замѣтно увеличилось или уменьшилось, необходимо къ данному раздраженію, дѣйствующему на глазъ, прибавить или убавить $^1/_{100}$ долю его: къ 200 свѣчъ въ комнатѣ нужно прибавить не одну, а двѣ свѣчи, чтобы замѣтно увеличилось ощущеніе свѣта; для того, чтобы замѣтно увеличилось или уменьшилось слуховое ощущеніе, необходимо прибавить къ данному раздраженію или отнять $^1/_3$ долю его; для того, чтобы замѣтно увеличилось или уменьшилось мускульное ощущеніе необходимо къ данному раздраженію прибавить или отнять $^1/_{17}$ долю его, напр. къ 17 ф. одинъ фунтъ. Съ другой стороны, съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ раздраженія на извѣстную величину измѣняется соотвѣтственное ощущеніе не въ прямой пропорціи, какъ можно было бы думать, не такъ, что съ увеличеніемъ раздраженія вдвое и ощущеніе увеличивается вдвое, а такъ сказать въ пропорціи смѣшанной: именно, между тѣмъ какъ раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи, такъ что каждое послѣдующее бываетъ въ извѣстное число разъ (вдвое, втрое и т. д.) больше предъидущаго,—соотвѣтственное ощущеніе увеличивается въ ариѳметической прогрессіи, такъ что каждое послѣдующее ощущеніе бываетъ больше предъидущаго на извѣстное число единицъ (на два три и т. д.) Поэтому, если мы какое либо раздраженіе увеличимъ вдвое, втрое, соотвѣтственное ему ощущеніе увеличится на двѣ, на три доли сравнитель-

но съ своей первоначальной величиной. *) *Тономъ* ощущеній называется пріятный или непріятный характеръ ихъ. Если содержаніе и сила ощущеній свидѣтельствуютъ о тѣхъ или другихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, то пріятный или непріятный характеръ ихъ свидѣтельствуетъ объ отношеніи ощущенія къ нашему благосостоянію: ощущенія бываютъ пріятны, когда возвышаютъ наше благосостояніе, и непріятны въ противномъ случаѣ. Поэтому тонъ ощущеній имѣетъ субъективный характеръ, но не доставляетъ знаній о качествахъ предмета. Какъ такой, онъ часто зависитъ отъ привычки нашей къ ощущеніямъ; чѣмъ рѣзко мы испытываемъ то или другое ощущеніе, тѣмъ сильнѣе выступаетъ его тонъ и наоборотъ: напр. медики и студенты, работающіе въ анатомическомъ театрѣ, свыкаются съ его атмосферой настолько, что почти не замѣчаютъ ея, на человѣка же непривычнаго она дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ; для дѣтей каждое испытываемое ощущеніе бываетъ пріятно или непріятно, о взрослыхъ же этого нельзя сказать.

§ 15. *Раздѣленіе ощущеній.* При общихъ признакахъ ощущеній въ происхожденіи и характерѣ ихъ, есть между ними и существенная разница. Она дана уже въ строеніи нервной системы, проводящей впечатлѣнія: одни изъ чувствительныхъ нервовъ распространены по всей поверхности тѣла, не переходя на своихъ концахъ въ особые органы, другіе оканчиваются въ особыхъ органахъ (глазъ, ухо, носъ, и т. д.), предназначенныхъ къ воспріятію впечатлѣній. Разница эта дана и въ содержаніи ощущеній: ощущенія при помощи перваго рода нервовъ доставляютъ свѣдѣнія только о нашихъ собственныхъ тѣлесныхъ состояніяхъ, хотя бы впечатлѣнія дѣйствовали и отвнѣ, боль отъ удара напр. свидѣтельствуетъ о

*) Однако слѣдуетъ замѣтить, что отношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ не всегда и не у всѣхъ людей одинаково. дикарь напр. узнаетъ слѣдъ непріятеля по травѣ. слышитъ шумъ его шаговъ издалека. Это зависитъ отъ природной чувствительности нервовъ, упражненія и привычки.

состояніи тѣла, но не даетъ свѣдѣній о предметѣ, причинившемъ ее и т. п.; ощущенія втораго рода доставляютъ свѣдѣнія о перемѣнахъ, происходящихъ внѣ нашего тѣла, хотя бы они вызваны были не внѣшними впечатлѣніями, а внутренними состояніями тѣла, напр. ощущеніе горечи во рту, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія органа вкуса, какъ будто происходитъ отъ внѣшняго, посторонняго предмета, ощущеніе свѣта и цвѣтовъ, вслѣдствіе воспаленія органа зрѣнія, какъ будто возбуждаются отвнѣ. Разница эта дана, наконецъ, въ степени ясности и тонѣ ощущеній: ощущенія перваго рода отличаются неясностью, легко сливаются въ одно общее и темное ощущеніе, такъ что мы не можемъ отчетливо выдѣлить каждое, преобладающее значеніе въ нихъ имѣетъ тонъ, напр. трудно различить непріятныя ощущенія усталости нервовъ и мускуловъ, ощущенія боли печени и почекъ и т. п.; ощущенія же второго рода настолько ясны, что мы различаемъ не только ощущенія разныхъ органовъ (зрѣнія, слуха, обонянія и др.), но даже ощущенія одного и того же органа можемъ раздѣльно расположить въ послѣдовательномъ ряду, напр. цвѣта-красный, оранжевый, желтый, зеленый и т. д., преобладающее значеніе въ нихъ имѣютъ содержаніе и сила, а не тонъ. Отсюда-ощущенія перваго рода называются ощущеніями общей чувствительности, а ощущенія второго рода—ощущеніями отдѣльныхъ органовъ чувствъ.

§ 16. *Къ ощущеніямъ общей чувствительности* относятся: кожныя, органическія и мускульныя.

Кожныя ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на поверхность кожи. Сюда относятся: а) ущенія накожной боли, происходящія отъ разныхъ при- напр. укола, удара, нарыва, разрыва ногтей, дерга- волосы. Хотя эти ощущенія, по видимому, относятся альнымъ ощущеніямъ, но, по изслѣдованію уче- ыя волокна, передающія раздраженія боли въ

спиномъ мозгѣ принимаютъ другое направленіе, чѣмъ осязательные нервы; поэтому тѣ и другіе нервы или на периферіи раздѣльны или прямо раздѣляются въ спинномъ мозгѣ. б) Ощущенія прикосновенія, происходящія, когда какой-либо легкій предметъ напр. волосокъ, муха, касаются нашей кожи. Видоизмѣненіе этого ощущенія составляетъ ощущеніе *щекота*, когда раздраженіе кожи бываетъ легкое и прерывистое. Какъ то, такъ и другое хотя заставляютъ насъ предполагать внѣшняго раздражителя, но не указываютъ его качествъ.

Органическія ощущенія, вызываемыя состояніями нашего организма, разнообразны и, по мѣсту ихъ происхожденія, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе классы: а) Органическія ощущенія нервовъ, какъ то: острыя возбужденія ихъ, разслабленія, вслѣдствіе нервнаго утомленія и истощенія, и бодрое состояніе свѣжести; б) ощущенія дыханія. Въ нашихъ легкихъ происходитъ обмѣнъ кислорода и угольной кислоты: всякое измѣненіе или нарушеніе этого обмѣна сопровождается ощущеніемъ дыханія. Сюда относятся: *страдательное* ощущеніе удушья, которое происходитъ отъ недостатка воздуха, напр. при утопаніи, отъ присутствія вредныхъ газовъ, одышки и др. болѣзней, и *пріятное* ощущеніе свѣжести. в) Ощущенія питанія, какъ-то: довольства, голода, тошноты и страданія отъ разстроеннаго пищеваренія. г) Органическія ощущенія мускуловъ, какъ-то: страданія при поврежденіи и утомленіи ихъ, удовольствія при отдохновеніи и покоѣ. д) Ощущенія тепла и холода, возбуждаемыя состояніемъ всего организма.

Мускульныя ощущенія возникаютъ въ душѣ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на органы нашихъ движеній — мускулы или мышцы, которые прикрѣплены къ костямъ, а иногда и къ кожѣ. Они бываютъ двоякіе: рубчатые и гладкіе. Первые имѣютъ приблизительно форму веретена, состоятъ изъ множества мускульныхъ рубчатыхъ волоконъ и

подлежатъ вліянію нашей воли: вторые имѣютъ видъ продолговатыхъ лентъ и не подлежатъ вліянію воли. Двигательные нервы, выходя изъ центральной нервной системы, примыкаютъ къ мускуламъ, и развѣтвляются въ клѣточной ткани, облегающей и проникающей мускулы. Раздраженіе этихъ нервовъ зависитъ или отъ воли и представленій, или отъ внѣшнихъ впечатлѣній—электрическихъ, химическихъ, теплоты и т. п. Подъ вліяніемъ раздраженія нерва происходитъ сокращеніе мускула: онъ становится короче и толще. Ощущенія, испытываемыя душой, вслѣдствіе такихъ измѣненій въ мускулахъ, слѣдующія: а) ощущенія напряженія и усилія, происходящія, когда напр. мы несемъ или поднимаемъ тяжесть; они бываютъ различны по степени: одно мы испытываемъ, поднимая тяжесть въ 1 фун., иныя въ три, четыре, пять, и болѣе фунтовъ; б) ощущенія движеній напр. рукъ, ногъ, головы и напр. Они также бываютъ различны, во первыхъ, по направленію движеній, потому ощущенія движеній напр. руки вверхъ, внизъ, направо, налѣво и пр.—несхожи, и во вторыхъ, по скорости движеній, потому что ощущенія быстрыхъ движеній и медленныхъ, продолжительныхъ и краткихъ—несхожи.

Степень общей чувствительности не у всѣхъ людей одинакова. Стоитъ сравнить нервную даму съ мускулистымъ рабочимъ, кабинетнаго ученаго съ деревенскимъ жителемъ, чтобы видѣть эту разницу въ чувствительности: первые воспріимчивы къ такимъ явленіямъ, которые совершенно не возбуждаютъ послѣднихъ. Между условіями, вліяющими на развитіе чувствительности, можно указать слѣдующія: а) образъ жизни и занятій человѣка, потому что напр. трудъ на открытомъ воздухѣ, возбуждая дѣятельность мускуловъ, ослабляетъ чувствительность, а кабинетныя занятія усиливаютъ ее: б) природный темпераментъ, потому что напр. меланхоликъ чувствителенъ до болѣзненности, а флегматикъ—равнодушенъ; в) привычка къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода, потому что нервъ, постоянно возбуждаемый извѣст-

нымъ впечатлѣніемъ, свыкается съ нимъ, примѣняясь къ его постоянно ровному дѣйствію, или тупѣя къ его возбужденіямъ; г) внимательное отношеніе къ ощущеніямъ извѣстнаго рода, потому что чѣмъ съ большимъ стараніемъ мы пытаемся напр. различать ощущенія усилія или движеній, тѣмъ большей тонкости достигаемъ въ этомъ отношеніи.

Ощущенія общей чувствительности имѣютъ значеніе преимущественно для нашей практич. жизни. Такъ, благодаря имъ, мы вырабатываемъ правила житейскаго благоразумія: вслѣдствіе долговременнаго опыта напр. замѣтивъ, что извѣстная пища, питье, доля занятій и отдыха имѣютъ на наше тѣло благодѣтельное вліяніе, другія же—вредны, мы устрояемъ соотвѣтственно этому свою жизнь и располагаемъ дѣятельность; отъ нихъ же зависитъ часто и наше настроеніе: если ощущенія эти пріятны, мы испытываемъ веселое настроеніе и склонны все видѣть въ розовомъ свѣтѣ, если же непріятны, то испытываемъ грустное настроеніе и склонны на все смотрѣть мрачнымъ взоромъ; при помощи ихъ же мы опредѣляемъ свое здоровье и болѣзнь, бодрость и усталость. Знанія же о внѣшнемъ мірѣ, доставляемыя этими ощущеніями, имѣютъ слишкомъ общій и неопредѣленный характеръ: такъ при помощи ихъ мы можемъ приблизительно опредѣлять степень доброкачественности пищи, питья, воздуха, степень утомительности той или другой работы и т. п. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдѣляются изъ ряда другихъ мускульныя ощущенія: они важны уже потому, что даютъ возможность опредѣлять вѣсъ предметовъ и произвольно выражать наши мысли, чувствованія и желанія въ художественныхъ произведеніяхъ, какъ-то въ музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и др., потому что во всѣхъ такихъ произведеніяхъ имѣетъ громадное значеніе тонкость ощущеній напряженія и движеній; но еще болѣе важны они потому, что, соединяясь съ осязательными и зрительными ощущеніями, доставляютъ намъ знанія о пространственныхъ

и временныхъ свойствахъ вещей. Поэтому ощущенія эти стоятъ какъ бы на границѣ между общей чувствительностью и ощущеніями отдѣльныхъ органовъ и нѣкоторые психологи поставляютъ ихъ даже наряду съ послѣдними.

§ 17. *Ощущенія отдѣльныхъ органовъ* чувствъ, при ихъ общихъ признакахъ, имѣютъ также и значительное различіе: одни изъ нихъ по преимуществу важны для нашей духовной жизни, для нашихъ познаній, чувствованій и желаній, другія—для нашей животной жизни; первыя считаются высшими, вторыя—низшими; къ низшимъ относятся обонятельныя и вкусовыя, къ высшимъ—осязательныя, слуховыя и зрительныя.

1) *Обонятельныя* ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на органъ обоянія—носъ. Внутренняя полость носа, выстланная слизистой оболочкой, раздѣлена отвѣсной перегородкой на двѣ половины; въ каждую половину съ боковой наружной стороны вдаются три, изогнутыя на подобіе раковинъ, косточки. Обонятельный нервъ, входя въ носъ сверху, дробится на множество мелкихъ волоконъ, которыя распространяются въ слизистой оболочкѣ и оканчиваются продолговатыми клѣточками съ ядромъ въ серединѣ. Возбудителями обонятельныхъ ощущеній являются только газообразныя тѣла. Физіологическій процессъ обоянія таковъ: частицы газообразныхъ тѣлъ, вмѣстѣ съ воздухомъ, тонкой струей проникаютъ въ полость носа, падаютъ на обонятельныя клѣточки, подвергаются процессу окисленія и раздражаютъ окончанія обонятельнаго нерва; раздраженіе передается головному мозгу и воспринимается душой въ качествѣ того или другаго запаха.

Всѣ обонятельныя ощущенія можно раздѣлить на двѣ группы: чисто обонятельныя и смѣшанныя съ другими ощущеніями. Къ первой группѣ относятся: а) запахи благоухающіе, напр. запахъ розы, жасмина, розоваго масла и т. п. и б) запахи дурные, напр. разлагающагося трупа, тухлаго

яица и т. п. Послѣдніе производятъ разрушительное вліяніе на организмъ: въ Китаѣ существовалъ даже особый видъ смертной казни, состоявшій въ томъ, что преступника подвергали вліянію очень острыхъ дурныхъ запаховъ, отъ которыхъ онъ и умиралъ.

Ко второй группѣ относятся обонятельныя ощущенія, связанныя а) съ процессами дыханія, напр. освѣжающіе запахи мускуса, одеколона и др. и удушливые запахи подваловъ, амбаровъ, переполненныхъ залъ и др. б) съ процессами пищеваренія, напр. аппетитные запахи свѣжаго мяса, горячаго супа и тошнящіе—сѣрнистаго водорода и др. в) съ процессами осязанія, напр. запахи перца, горчицы, нюхательнаго табаку и др.

2) *Вкусовыя* ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на органъ вкуса—языкъ. Слизистая поверхность языка покрыта множествомъ сосочковъ—нитевидныхъ и желобоватыхъ. Наиболѣе важное значеніе имѣютъ послѣдніе: каждый такой сосочекъ напоминаетъ толстую бородавку, имѣющую видъ, обращеннаго основаніемъ вверхъ, конуса, и окруженную валомъ слизистой оболочки, надъ которымъ она немного возвышается; этихъ сосочковъ бываетъ 8 — 12; расположены они въ корнѣ языка двумя рядами, сходящимися внизъ и соединяющимися въ видѣ знака V. Возбудителями вкусовыхъ ощущеній являются вещества, растворимыя въ жидкости ртовой полости. И вкусовыя ощущенія также можно раздѣлить на двѣ группы: чистыя и смѣшанныя. Къ первой группѣ относятся ощущенія сладкаго, горькаго, кислаго и соленаго; ко второй— ощущенія щелочнаго, остраго, ѣдкаго, вяжущаго, представляющія смѣсь вкусовыхъ элементовъ съ осязательными ощущеніями и мускульными.

Какъ обонятельныя, такъ и вкусовыя ощущенія имѣютъ важное значеніе по преимуществу для нашей тѣлесной жизни: при помощи ихъ мы опредѣляемъ достоинство вды-

хаемаго воздуха и принимаемой пищи. Но при значительномъ развитіи они доставляютъ много отчетливыхъ знаній и о предметахъ внѣшняго міра: аптекари, химики, фабриканты духовъ и пахучихъ мылъ, гастрономы и знатоки винъ, обладая хорошо развитыми органами обонянія и вкуса, опредѣляютъ, при помощи ихъ, тонкія различія между предметами; есть напр. врачи, опредѣляющіе каждую накожную болѣзнь, даже ея различныя степени, по обонятельнымъ ощущеніямъ.

3) *Осязательныя* ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на кожу. Она состоитъ изъ трехъ слоевъ: верхней кожи, собственно кожи и подкожной соединительной ткани. Органомъ ощущенія служитъ собственно кожа, покрытая сосочками въ видѣ небольшихъ возвышеній, гдѣ и оканчиваются волокна осязательнаго нерва: такихъ сосочковъ особенно много на внутренней сторонѣ ладоней, на губахъ, поверхности языка, подошвахъ ногъ, и на другихъ чувствительныхъ мѣстахъ. Физіологическій процессъ осязанія состоитъ въ томъ, что прикосновеніе какого-либо тѣла сдавливаетъ кожу и, чрезъ ея посредство, нервныя нити, заключенныя въ сосочкахъ. Осязательныя ощущенія также можно раздѣлить на два класса: чистыя и соединенныя съ мускульными.

Къ первому классу относятся: а) *ощущенія давленія*. Они бываютъ различны, смотря по формѣ предмета, производящаго давленіе. Если давить на кожу предметъ гладкій, большой, тяжелый, мы испытываемъ смутное, пассивное ощущеніе давленія, по которому не можемъ опредѣлить форму предмета; если давитъ предметъ острый, напр. иголка, кончикъ пера, карандаша, мы испытываемъ ощущеніе острого; если предметъ давитъ нѣсколькими раздѣльными точками, мы испытываемъ нѣсколько отдѣльныхъ ощущеній, по которымъ можемъ опредѣлить форму предмета: если напр. будетъ давить на руку предметъ, имѣющій форму

звѣзды или буквы, мы узнаемъ его по ощущенію осязательному, хотя бы и не видѣли. Впрочемъ кожа наша не во всѣхъ мѣстахъ одинаково способна воспринимать впечатлѣнія отъ раздѣльныхъ точекъ предмета. Изслѣдованіе ея чувствительности въ этомъ отношеніи производится такимъ образомъ: берутъ циркуль съ притупленными концами, и ставятъ его двѣ ножки въ различныхъ мѣстахъ кожи и въ разныхъ направленіяхъ и при этомъ замѣчаютъ, гдѣ получаются два раздѣльныя осязательныя ощущенія отъ ножекъ циркуля на извѣстномъ разстояніи и гдѣ одно; очевидно, то мѣсто кожи, гдѣ получаются два раздѣльныя ощущенія, чувствительнѣе того, гдѣ, при тѣхъ же условіяхъ, получается одно. Такимъ путемъ ученые узнали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кожи получаются два ощущенія, при незначительномъ разстояніи между ножками циркуля, напр. въ 1, 2, 4, 8 миллим. (кончикъ языка, носа, концы пальцевъ, ладони и пр.); въ другихъ же—при значительномъ, напр. въ 30, 40, 50 миллим. (на груди, спинѣ, плечахъ голени). Каждую часть кожи, гдѣ не различаются два ощущенія, называютъ чувствительнымъ кругомъ; слѣд. вся кожа состоитъ изъ чувствительныхъ круговъ различной величины. Ощущенія отъ различныхъ точекъ предмета мы получаемъ только въ томъ случаѣ, когда предметъ раздражаетъ нѣсколько чувствительныхъ круговъ. в) *Ощущенія температуры* также относятся къ осязательнымъ ощущеніямъ, на основаніи слѣдующихъ данныхъ: аа) слабѣйшія ощущенія осязанія и температуры смѣшиваются, такъ что напр. едва можно различить ощущенія отъ укола острой булавки и отъ искорки огня; бб) если на кожу положить дурной проводникъ тепла, напр. бумажку, съ небольшимъ отверстіемъ, и чрезъ отверстіе раздражать кожу то давленіемъ какого-либо предмета, то теплотой, ощущенія смѣшиваются Ощущенія температуры опредѣляются двумя крайними точками—тепломъ и холодомъ: холоднымъ мы называемъ вся-

кое тѣло, отнимающее теплоту отъ нашей кожи, при чемъ она сжимается, теплымъ же то, которое отдаетъ ей свою теплоту, при чемъ кожа расширяется. Чувствительность кожи къ ощущеніямъ температуры довольно значительна: мы можемъ различать 1/4° по Реомюру отъ 14,4°, а опытные люди различаютъ повышеніе или пониженіе температуры воды на 0, 1°.

Ко второму классу относятся ощущенія *твердаго, упругаго, мягкаго, шероховатаго, гладкаго, жидкаго, тянучаго* и пр. Такъ, мы называемъ предметъ *твердымъ*, если онъ не уступаетъ нашему *усиленному* давленію, упругимъ, если, уступивъ нашему давленію, обратно начинаетъ давить на руку осязающую, какъ только мы ослабимъ свое давленіе, *мягкимъ*, если онъ легко уступаетъ нашему давленію, *шероховатымъ*, если, при движеніи по его поверхности или давленіи на него осязающей руки, испытываемъ нѣсколько мелкихъ и различныхъ ощущеній, *гладкимъ*, если, при тѣхъ же условіяхъ, испытываемъ одно нераздѣльное, массивное ощущеніе и т. д.

Всѣ осязательныя ощущенія, сравнительно съ обонятельными и вкусовыми, имѣютъ уже болѣе важное значеніе въ развитіи нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ. Наблюденія надъ слѣпорожденными показываютъ, что они при помощи осязательныхъ ощущеній пріобрѣтаютъ основныя понятія о физическихъ и геометрическихъ свойствахъ тѣлъ, какъ-то: твердости, гладкости, величинѣ, фигурѣ, движеніи и пр., могутъ преуспѣвать въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ: музыкѣ, скульптурѣ, плетеніи, вязаніи и пр., могутъ совершать отдаленныя и трудныя путешествія, узнаютъ лицъ, съ которыми не видались нѣсколько лѣтъ. Особенность осязательныхъ ощущеній составляетъ и то, что они легко запоминаются и могутъ быть развиты до значительной тонкости: кассиръ напр. по осязанію отличаетъ фальшивыя ассигнаціи отъ настоящихъ.

4. *Слуховыя* ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на ухо. Въ строеніи этого органа различаютъ слѣдующія части: *переднее* ухо, состоящее изъ ушной раковины, слуховаго прохода и барабанной перепонки, которая пересѣкаетъ слуховой проходъ; *среднее* ухо, состоящее изъ барабанной полости, узкаго канала, направляющагося въ глотку (Евстахіева труба), и трехъ косточекъ, изъ которыхъ одна (молоточекъ) прикрѣплена къ барабанной перепонкѣ, другая (стремячко) — одной ножкой прикрѣплена къ овальному, а другой — къ круглому окошечкамъ, лежащимъ на сторонѣ, противоположной перепонкѣ барабанной, третья же (наковальня) — связываетъ первыя двѣ; *внутреннее* ухо или костный лабиринтъ, состоящій изъ преддверія, въ видѣ неправильной полости, трехъ полукружныхъ каналовъ, въ видѣ дугъ, лежащихъ по одну сторону преддверія, и винтообразной улитки — по другую сторону; онъ наполненъ водой, въ которой плаваетъ такой же кожистый лабиринтъ. Слуховой нервъ, выходя изъ головнаго мозга, проникаетъ въ кожистый лабиринтъ и оканчивается въ каналахъ и улиткѣ волосками, палочками и отолитами. Возбудителями слуховыхъ ощущеній служатъ волны воздуха, производимыя предметами, приведенными въ движеніе. Физіологическій процессъ ощущенія таковъ: волна воздуха, воспринятая ушной раковиной, идетъ чрезъ слуховой проходъ и вдавливаетъ во внутрь барабанную перепонку; косточки средняго уха приходятъ въ движеніе и стремячко давитъ ножкой въ овальное окошечко; отъ этого — вода въ лабиринтѣ приходитъ въ движеніе, волна ея пробѣгаетъ по полукружнымъ каналамъ и улиткѣ и выпячиваетъ впередъ круглое окошечко; отъ движенія воды раздражаются окончанія слуховаго нерва и мы испытываемъ ощущенія.

Къ чистымъ слуховымъ ощущеніямъ относятся только *звукъ* и *шумъ;* но ни направленіе ихъ, ни разстояніе, ни пауза, ни гармонія — прямо не ощущаются. а) Ощущеніе

звука есть ощущеніе спокойнаго и равномѣрно продолжающагося тона. Такія ощущенія чрезвычайно разнообразны. Спокойная равномѣрность звука зависитъ отъ равномѣрно продолжающихся и періодически, чрезъ равные промежутки, повторяющихся воздушныхъ колебаній, а разнообразіе звуковъ зависитъ отъ различнаго числа такихъ колебаній въ опредѣленную единицу времени: 16 колебаній въ секунду производятъ самый низкій звукъ, около 33 т. колебаній — самый высокій, остальные звуки располагаются между этими границами. Звукъ, которому соотвѣтствуетъ число колебаній вдвое большее сравнительно съ инымъ, составляетъ *октаву* послѣдняго; $^2/_3$ образуетъ квинту, $^3/_4$ кварту, $^4/_5$ большую терцію, $^5/_6$ — малую и т. д. На этомъ отношеніи чиселъ колебаній основывается гармонія и дисгармонія звуковъ одновременныхъ: чѣмъ проще это отношеніе и чѣмъ ближе оно стоитъ къ единицѣ, тѣмъ болѣе гармоніи въ звукахъ (октава, квинта, кварта и др.) и наоборотъ. Все это разнообразіе звуковъ объясняютъ предположеніемъ для всѣхъ простыхъ звуковъ особыхъ волоконъ слуховаго нерва: смотря по разнообразію колебаній воздушныхъ волнъ возбуждаются преимущественно то одни, то другія нервныя волокна и вызываютъ соотвѣтственныя звуковыя ощущенія. Эти ощущенія такъ раздѣльны и отчетливы, что ихъ можно расположить въ послѣдовательномъ ряду параллельно числамъ воздушныхъ колебаній и притомъ такъ, что геометрическому ряду колебаній будетъ соотвѣтствовать ариѳметическій рядъ возвышающихся звуковъ. — Въ каждомъ ощущаемомъ звукѣ различаютъ *высоту*, *силу* и *тембръ*. Высота зависитъ отъ числа воздушныхъ колебаній. Если мы приготовимъ напр. палковый кругъ, утвердимъ его центръ на неподвижной оси, по краю сдѣлаемъ нѣсколько равныхъ отверстій на равномъ разстояніи, приведемъ его во вращательное движеніе и, при помощи трубочки, будетъ вдувать въ отверстія воздухъ, то чѣмъ быстрѣе будетъ движеніе

кружка и потому, чѣмъ больше будетъ воздушныхъ колебаній, тѣмъ выше получится звукъ и наоборотъ. Сила звука зависитъ отъ широты воздушныхъ волнъ. Если приведемъ въ колебаніе струну, то замѣтимъ, что, по мѣрѣ того какъ широта колебаній ея становится меньше, и звукъ становится слабѣе, сохраняя ту же высоту. Тэмбръ звука или то, чѣмъ различаются звуки голоса, скрипки, віолончели и т. п. при равной высотѣ и силѣ, зависитъ отъ различныхъ добавочныхъ верхнихъ тоновъ: если напр. приведемъ въ колебаніе струну, а потомъ половину ея, четверть и т. д., то замѣтимъ, что всѣ послѣдующіе звуки гармонируютъ съ основнымъ; а такъ какъ при колебаніи цѣлой струны колеблются и половина, и четверть, и восьмая доля ея, то на ряду съ основнымъ тономъ всегда существуетъ множество добавочныхъ верхнихъ тоновъ, которые даже и различаются опытнымъ ухомъ. Число ихъ бываетъ различно, смотря по различію звуковъ и тѣлъ звучащихъ; но они-то именно и сообщаютъ тембръ звуку. б) Ощущеніе *шума* или спутанности звуковъ происходитъ, когда различные тоны вмѣстѣ звучатъ, но не гармонируютъ и не совпадаютъ, напр. при шелестѣ, журчаньи, завываніи, дребезжаньи и т. п.

5. *Зрительныя* ощущенія возникаютъ вслѣдствіе впечатлѣній, дѣйствующихъ на глазъ. Снаружи глазное яблоко обтянуто тремя оболочками — твердой, сосудистой и сѣтчатой. Первая — плотна, бѣла, блестяща, но не прозрачна; имѣетъ два отверстія: въ переднее вставлена роговая оболочка, выдающаяся немного впередъ въ видѣ часоваго стекла, въ заднее проходитъ зрительный нервъ. Вторая состоитъ изъ клѣточной ткани и также имѣетъ два отверстія: въ переднее вставлена радужная оболочка, имѣющая видъ кольцеобразной перепонки, стягивающейся и растягивающейся, съ маленькимъ круглымъ отверстіемъ — зрачкомъ — по срединѣ, а въ заднее проходитъ тотъ же зрительный нервъ. Третья

покрыта, между прочимъ, слоемъ палочекъ и шишечекъ, расположенныхъ перпендикулярно, въ видѣ частокола. Внутри глазное яблоко состоитъ изъ трехъ прозрачныхъ частей: *водянистой жидкости*, наполняющей переднюю часть глаза, *хрусталика*, въ родѣ чечевицы, находящагося позади зрачка, и *стекловиднаго тѣла*, въ видѣ студенистой влаги, наполняющаго всю остальную полость глаза. Зрительный нервъ, проникая сзади, распространяется отдѣльными волокнами, въ видѣ радіусовъ, которые оканчиваются въ палочкахъ и шишечкахъ. Волокна нерва слѣпы и то мѣсто, гдѣ онъ входитъ называется слѣпымъ пятномъ Маріотта. Недалеко отъ его входа лежитъ мѣсто яснѣйшаго зрѣнія, состоящее изъ маленькихъ палочекъ и шишечекъ и называемое желтымъ пятномъ. Возбудителями зрительныхъ ощущеній служатъ волны свѣтоваго эфира, механическое давленіе или ударъ и электрическій токъ. Физіологическій процессъ ощущенія слѣдующій: волны свѣтоваго эфира, въ видѣ лучей свѣта, исходящихъ отъ предмета, дѣйствуютъ на глазъ, многообразно преломляются въ его прозрачныхъ частяхъ и на желтомъ пятнѣ даютъ изображеніе предмета, въ обратномъ видѣ; отъ этого зрительный нервъ раздражается и мы испытываемъ ощущенія.

Къ чисто зрительнымъ ощущеніямъ относятся ощущенія *свѣта и цвѣтовъ;* что же касается разстоянія, формы, величины, движенія предмета, то все это мы узнаемъ при пособіи еще мускульныхъ ощущеній, послѣ упражненій, какъ видно изъ показаній исцѣленныхъ слѣпыхъ*). а) Ощуще-

---

*) Такъ, англійскій врачъ Чеселльденъ исцѣлилъ 15 лѣтняго слѣпорожденнаго. Исцѣленному въ началѣ казалось, что всѣ предметы касаются его глазъ; онъ не въ состояніи былъ замѣчать форму предметовъ и различать одну отъ другой, такъ что кругъ ему казался четвероугольной пластинкой, не могъ опредѣлять разстояніе и величину предметовъ. Нѣмецкій врачъ Францъ исцѣлилъ 18 лѣтняго слѣпорожденнаго; изъ наблюденій надъ нимъ оказалось, что въ началѣ всѣ предметы казались ему лежащими очень близко и онъ боялся столкнуться съ ними, хотя они были далеко, казались ему плоскими и гораздо большими, чѣмъ онъ ожидалъ, зная ихъ по осязанію.

ніе *свѣта* мы испытываемъ, когда воспринимаемъ впечатлѣніе прямо отъ волнъ свѣтоваго эфира или лучей свѣта; оно доставляетъ намъ продолжительное и чуждое утомленія удовольствіе, а лишеніе его причиняетъ страданіе. б) *Ощущеніе* различныхъ цвѣтовъ основывается на различной скорости колебанія волнъ эфира, отраженныхъ предметами, и на свойствѣ органа зрѣнія. Поперечныя колебанія свѣтоваго эфира мы называемъ лучами; сами по себѣ они безцвѣтны, но вслѣдствіе различной скорости своего колебанія они производятъ различныя впечатлѣнія на глазъ и вызываютъ ощущенія различныхъ цвѣтовъ: ощущеніе краснаго цвѣта получается при 452 билліонахъ колебаній въ секунду, ощущеніе фіолетоваго — при 785 билліонахъ, между этими границами въ восходящемъ порядкѣ располагаются ощущенія оранжеваго, желтаго, зеленаго, синяго и голубаго. Но эти ощущенія цвѣтовъ не разграничены строго, между ними есть много промежуточныхъ степеней, такъ что ни одинъ языкъ не владѣетъ достаточнымъ числомъ словъ, чтобы выразить всѣ оттѣнки цвѣтовъ; вотъ почему зрительныя ощущенія и не имѣютъ такой раздѣльности, какъ слуховыя, и не могутъ быть расположены въ строгомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Такъ какъ всѣ возможные цвѣта производятся чрезъ смѣшеніе трехъ основныхъ — краснаго, зеленаго и фіолетоваго, — то въ объясненіе способности нашего глаза воспринимать впечатлѣнія цвѣтовъ предполагали въ сѣтчаткѣ существованіе особыхъ нервныхъ волоконъ для каждаго основнаго цвѣта; но изслѣдованія Гельмгольца показали, что объективно простые основные цвѣта не совпадаютъ съ субъективно простыми, т. е. такими, которые получаются при возбужденіи волоконъ, воспринимающихъ исключительно красный, или зеленый, или фіолетовый цвѣта. Отсюда, эта способность глаза объясняется слѣдующимъ образомъ: каждый лучъ свѣта, дѣйствующій на глазъ, возбуждаетъ всѣ роды волоконъ, но не одинаково: простой красный воз-

буждаетъ сильнѣе всего волокна, воспринимающія этотъ лучъ, а остальныя слабо; желтый возбуждаетъ одинаково сильно волокна, воспринимающія красное и зеленое, — но слабо — фіолетовое и т. д.; каждый смѣшанный цвѣтъ возбуждаетъ волокна въ той степени, которая соотвѣтствуетъ его составу, а бѣлый — возбуждаетъ всѣ въ одинаковой степени. Съ этой точки зрѣнія объясняется легко явленіе цвѣтной слѣпоты, которое состоитъ въ природной неспособности различать нѣкоторые цвѣта: чаще всего встрѣчается слѣпота къ красному цвѣту (дальтонизмъ, по имени химика Дальтона, страдавшаго ей) и зеленому. Такому слѣпцу недостаетъ волоконъ, воспринимающихъ данный цвѣтъ, а потому и остальные цвѣта онъ опредѣляетъ невѣрно.

Ощущенія слуха и зрѣнія имѣютъ преимущественное значеніе въ нашей познавательной дѣятельности, сравнительно со всѣми другими ощущеніями: мы скорѣе и чаще всего замѣчаемъ цвѣта и звуки окружающихъ предметовъ. Количество какъ разнообразныхъ цвѣтовъ, свѣта и тѣней, такъ и различныхъ звуковъ съ различной силой, высотой и тембромъ — очень обширно: мы испытываемъ ощущенія 452 — 785 билліоновъ колебаній свѣтоваго эфира и 16—33,000 колебаній воздуха въ секунду; соединяясь съ мускульными эти ощущенія даютъ возможность опредѣлять величину, разстояніе, фигуру, движеніе предмета; наконецъ, цвѣта и звуки часто служатъ символами мыслей, постигаемыхъ умомъ и непосредственнымъ чувствомъ. Вотъ почему этимъ ощущеніямъ и принадлежитъ высшій образовательный характеръ: слѣпые и глухонѣмые, при отсутствіи искуснаго воспитанія, большею частію остаются на ступени животной дикости и грубости. Въ частности, есть разница въ значеніи зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Зрительныя ощущенія доставляютъ знанія преимущественно о внѣшней сторонѣ предметовъ — цвѣтѣ, величинѣ, фигурѣ и т. д.

Знанія эти отличаются ясностью и отчетливостью; мы гораздо лучше представляемъ цвѣта, величину предмета, чѣмъ вѣсъ, вкусъ, запахъ и т. п.; поэтому зрительными ощущеніями мы часто измѣряемъ другія ощущенія: такъ, температуру мы измѣряемъ термометромъ, ощущая запахъ цвѣтовъ въ саду, мы ищемъ ихъ глазами, ощущая сладость во рту, мы хотимъ ее видѣть; даже представленія о духовныхъ свойствахъ мы часто переводимъ на языкъ зрѣнія, говоря — свѣтлый умъ, ясная мысль, блестящій отвѣтъ и т. п. Съ другой стороны, зрѣніе дѣйствуетъ на такомъ обширномъ разстояніи, какъ ни одинъ изъ органовъ: мы видимъ предметы на далекомъ горизонтѣ, видимъ свѣтила небесныя. Слуховыя же ощущенія доставляютъ знанія преимущественно о внутренней, духовной сторонѣ бытія, потому что въ звукахъ всегда слышится жизнь, мысли, чувствованія: при помощи ихъ мы передаемъ другимъ свои духовныя состоянія и узнаемъ ихъ состоянія, при помощи ихъ же мы выражаемъ свои состоянія въ разныхъ искусствахъ — музыкѣ, пѣніи, поэзіи. Глухонѣмые, не будучи въ состояніи обмѣниваться съ другими людьми своими духовными сотояніями, никогда не достигаютъ высокаго развитія. Сознаніе важнаго значенія звуковъ въ этомъ отношеніи и выразилось въ сказаніи объ Орфеѣ, который своею игрой пробуждалъ камни, сдвигалъ лѣса и горы.

При помощи всѣхъ этихъ ощущеній отдѣльныхъ органовъ чувствъ мы получаемъ знанія о вкусахъ и запахахъ, о формѣ и тяжести предмета, теплѣ и холодѣ, твердости, упругости и мягкости, шероховатости и гладкости, о звукѣ и шумѣ, свѣтѣ и цвѣтѣ.

§ 18. *Знанія о пространственныхъ и временныхъ свойствахъ вещей*, какъ-то: величинѣ, фигурѣ, разстояніи, движеніи, измѣняемости и проч. мы пріобрѣтаемъ болѣе сложнымъ путемъ, именно: при помощи осязательныхъ, зритель-

ныхъ и слуховыхъ ощущеній, въ соединеніи съ мускульными, и при содѣйствіи высшихъ способностей души.

Какъ наша кожа тѣсно связана съ мускулами, такъ и осязательныя ощущенія тѣсно связаны съ мускульными. Благодаря этой связи, мы познаемъ пространственныя отношенія различныхъ частей нашего тѣла, и пространственныя свойства окружающихъ вещей. Такъ, если осязающая рука касается различныхъ частей тѣла, мы испытываемъ не только осязательное ощущеніе — прикосновенія, но и мускульное — произвольнаго движенія; осязательное ощущеніе можетъ быть одинаково, но мускульное не можетъ: не одно и тоже ощущеніе получается, касаемся мы рукой головы, шеи, ноги или груди и т. п.; по разнообразію этихъ ощущеній, чрезъ неоднократное повтореніе, мы и пріучаемся опредѣлять относительное положеніе и разстояніе различныхъ частей тѣла, ихъ форму и величину. Если осязающая рука касается разныхъ сторонъ какого-либо внѣшняго предмета, то и въ этомъ случаѣ получаются осязательныя ощущенія и мускульныя — разныхъ движеній и усилія; по разнообразію этихъ послѣднихъ ощущеній мы опредѣляемъ форму, величину, протяженіе и разстояніе предмета. Напр. знаніе о формѣ одной изъ поверхностей кубика составляется у ребенка разными путями: а) ребенокъ проводитъ пальцами по поверхности въ разныхъ направленіяхъ и замѣчаетъ, сколько длится прикосновеніе ихъ съ тѣломъ; б) проводитъ пальцами по границѣ поверхности и замѣчаетъ однообразіе направленія въ движеніи вдоль каждой стороны, продолжительность движенія и перемѣну направленія по угламъ и в) онъ кладетъ ладонь руки на поверхность одной изъ сторонъ кубика и замѣчаетъ, по ощущенію раздѣльныхъ точекъ, въ какихъ мѣстахъ края прикасаются къ рукѣ. Такимъ образомъ знаніе одной изъ поверхностей кубика обусловливается соединеніемъ нѣсколькихъ ощущеній осязательныхъ и мускульныхъ; знаніе же всей формы требуетъ со-

четанія нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ. Послѣ многократнаго повторенія этого сложнаго акта изслѣдованія предмета, отдѣльные члены группы такъ тѣсно срастаются, что возстановленія одного изъ нихъ бываетъ достаточно, чтобы возстановить всю группу. Такъ, ребенокъ, взявъ въ руки кубъ, вспоминаетъ весь рядъ послѣдовательно испытанныхъ ощущеній. Что такимъ путемъ можно получить ясныя знанія о пространственныхъ свойствахъ вещей, видно изъ того факта, что слѣпые могутъ описывать геометрическія фигуры и разсуждать о нихъ очень вѣрно.

Еще бо́льшей тонкости въ познаніи пространственныхъ свойствъ вещей мы достигаемъ при помощи зрительныхъ ощущеній въ соединеніи съ мускульными. Глазъ нашъ, какъ одинъ изъ наиболѣе подвижныхъ органовъ, снабженъ множествомъ мускуловъ; можно различать въ немъ мускулы наружные, поворачивающіе его въ разные стороны, и внутренніе, производящіе сокращеніе или расширеніе хрусталика и зрачка. Отсюда, одновременно съ зрительными ощущеніями и параллельно имъ, мы испытываемъ множество мускульныхъ, благодаря чему и познаемъ пространственныя свойства вещей. Такъ мы опредѣляемъ напр. *различные пункты на полѣ нашего зрѣнія*. Обыкновенно мы видимъ совершенно ясно только то, что отображается на желтомъ пятнѣ сѣтчатки; поэтому мы непроизвольно передвигаемъ всегда глазъ такъ, чтобы свѣтовое впечатлѣніе падало на мѣсто яснѣйшаго зрѣнія. Но когда нашъ глазъ, испытывая впечатлѣнія отъ различныхъ точекъ, движется отъ одной къ другой, мы испытываемъ не только свѣтовыя ощущенія, но и мускульныя; послѣднія бываютъ не одинаковы, движется глазъ направо или налѣво, вверхъ или внизъ; по нимъ-то мы и научаемся опредѣлять различные пункты поля зрѣнія. Что положеніе предметовъ на полѣ зрѣнія познается при помощи мускульныхъ ощущеній глаза, подтверждаетъ и опытъ: когда одинъ изъ мускуловъ глаза

отчасти парализованъ, то всѣ предметы кажутся отодвинутыми дальше, потому что тогда измѣняется усиліе для поворачиванія глаза, усиліе, по которому мы и судимъ о разстояніи: каменьщикъ съ парализованнымъ мускуломъ глаза сталъ обтесывать вмѣсто камня свою руку; исцѣленный отъ косоглазія видитъ предметы первоначально въ ложномъ направленіи. Для *опредѣленія разстоянія предметовъ*, глазъ владѣетъ свойствомъ аккоммодаціи или приспособленія къ разсмотрѣнію предметовъ на различныхъ разстояніяхъ, приспособленія, которое производится сокращеніемъ мускула, окружающаго хрусталикъ. Эта аккоммодація всегда сопровождается замѣтнымъ ощущеніемъ. Такъ, когда мы переносимъ взглядъ съ близкаго предмета на отдаленный, то отчетливо сознаемъ мускульное ощущеніе усилія. По разнообразію этихъ ощущеній мы и судимъ о томъ, близко или далеко отъ насъ находится наблюдаемый предметъ. Но точно также мы опредѣляемъ разстояніе предметовъ по величинѣ зрительнаго угла. Извѣстно, что наблюденіе каждаго предмета требуетъ такого сведенія зрительныхъ осей, при которомъ онѣ пересѣкались бы въ точкѣ предмета; отсюда— величина образуемаго въ этомъ случаѣ угла будетъ зависѣть отъ разстоянія предмета: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ больше зрительный уголъ и наоборотъ. Сведеніе же зрительныхъ осей подъ угломъ производится глазными мускулами и сопровождается мускульными ощущеніями; по разнообразію этихъ ощущеній, соотвѣтственно разнообразію зрительнаго угла, мы опять судимъ о разстояніи предмета отъ насъ. Степень освѣщенія и величина извѣстныхъ намъ предметовъ также оказываютъ вліяніе на опредѣленіе разстоянія ихъ, потому что чѣмъ яснѣе мы видимъ предметъ, тѣмъ болѣе близкимъ считаемъ его и чѣмъ меньшимъ онъ кажется намъ, тѣмъ дальше находится отъ насъ и наоборотъ. — *Тѣлесность предметовъ* опредѣляется нами также по мускульнымъ ощущеніямъ глаза. Когда мы разсматриваемъ какой-либо пред-

метъ, то ощущенія, возникающія въ насъ вслѣдствіе аккоммодаціи и сведенія зрительныхъ осей даютъ возможность замѣтить, что различныя части предметовъ находятся на разныхъ разстояніяхъ; отсюда мы и заключаемъ, о тѣлесности предмета. — Наконецъ, *движеніе предмета* познается также при помощи мускульныхъ ощущеній глаза. Собственно движеніе предмета опредѣляется по передвиженію образа его на сѣтчаткѣ глаза; но движется ли нашъ глазъ, а предметъ покоится или наоборотъ, — это мы узнаемъ по тому, что произвольное движеніе глаза и головы сопровождается мускульными ощущеніями; далѣе, при покоющемся глазѣ, предметы движутся къ намъ или мы къ предметамъ, это узнаемъ по тѣмъ мускульнымъ ощущеніямъ, которыми сопровождается аккоммодація и сведеніе зрительныхъ осей, а также и движеніе нашихъ ногъ; если совершается наше передвиженіе, не сопровождаясь мускульными ощущеніями усилія, то намъ кажется, что предметы движутся къ намъ: такъ бываетъ, когда мы ѣдемъ на кораблѣ или по желѣзной дорогѣ.

Что касается знанія о времени, какъ послѣдовательности совершающихся событій, то оно пріобрѣтается первоначально также при помощи мускульныхъ ощущеній. Движенія продолжительное и краткое требуютъ не одинаковаго количества усилій,—отсюда у насъ является представленіе о долгомъ и короткомъ; движенія быстрое и медленное, при одинаковой напряженности, требуютъ одинаковаго количества усилій, но тратятся силы не одинаково: разница большая—подняться на гору медленно и скоро; на основаніи такихъ данныхъ у насъ образуются представленія о медленномъ и скоромъ. Наконецъ, внѣшнее движеніе предмета также можетъ привести къ представленію о времени, потому что это движеніе состоитъ въ послѣдовательномъ переходѣ изъ одного мѣста въ другое. Но въ особенности совершенствуется знаніе о времени при помощи слуховыхъ

ощущеній. Извѣстно, что о распродѣленіи событія во времени мы только тогда вѣрно знаемъ, когда оно совершается съ отчетливой послѣдовательностью; наибо́льшей же тонкостью въ опредѣленіи послѣдовательности отличается слухъ нашъ: по слуху мы можемъ различать такіе краткіе промежутки между частями событія, которые не могутъ быть выражены движеніемъ, и такіе длинные, которые не въ силахъ мы наполнить внѣшнимъ движеніемъ: такъ, если будутъ слѣдовать быстро одна за другой электрическія искры, то (по Экснеру) зрѣніе въ состояніи уловить промежутокъ между ними въ 0,017 сек., а слухъ въ 0,002 сек.

Однако объяснить наши знанія о пространственныхъ и временныхъ свойствахъ вещей только изъ осязательныхъ, зрительныхъ, мускульныхъ и слуховыхъ ощущеній нѣтъ возможности. Зрительныя и осязательныя ощущенія въ соединеніи съ мускульными собственно суть ощущенія различной степени усилій и различныхъ движеній, слуховыя же—суть ощущенія звуковъ различной быстроты. Если мы на основаніи этихъ данныхъ судимъ о разстояніи предметовъ, длинѣ, широтѣ, фигурѣ, тѣлесности ихъ, о послѣдовательности событій, то въ этомъ обнаруживается уже участіе другихъ, высшихъ способностей человѣческаго духа—воображенія и разсудка: воображеніе построяетъ изъ этихъ данныхъ фигуру цѣлаго предмета, представляетъ его тѣлесность, разстояніе и положеніе въ пространствѣ, а разсудокъ, по характеру ощущеній, заключаетъ о характерѣ внѣшнихъ впечатлѣній, напр. по быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ ногъ заключаетъ о длинѣ пройденнаго пути, по степени усилія при сведеніи зрительныхъ осей подъ угломъ судитъ о разстояніи предмета и т. п.

Такимъ образомъ къ ощущеніямъ обонятельнымъ и вкусовымъ, осязательнымъ, слуховымъ и зрительнымъ мы прилагаемъ еще знанія о пространственныхъ и временныхъ

свойствахъ вещей—разстояніи, величинѣ, формѣ, тѣлесности, движеніи, послѣдовательности и др.

§ 19. *Наблюденіе.* Всѣ эти ощущенія наши суть какъ бы буквы азбуки. Но какъ буквы получаютъ смыслъ тогда, когда сочетаются въ слова, такъ и ощущенія получаютъ значеніе, когда соединяются въ образъ цѣлаго предмета. Такое-то сложное воззрѣніе и называется *наблюденіемъ*. Положимъ, предъ нами находится яблоко; обоняніемъ мы опредѣляемъ его запахъ, вкусомъ—сладость или кислоту, осязаніемъ-твердость или мягкость, зрѣніемъ-цвѣтъ, слухомъ-звукъ, осязаніемъ и зрѣніемъ вмѣстѣ съ мускулами опредѣлимъ—форму, тѣлесность, величину, разстояніе отъ насъ; каждое изъ этихъ ощущеній получается и существуетъ отдѣльно отъ другихъ. Если мы, по закону нашей духовной жизни, отнесемъ каждое изъ нихъ во внѣ, то получимъ нѣсколько отдѣльныхъ воззрѣній; для того же, чтобы получить во внѣ образъ цѣлаго предмета, необходимо сочетать ихъ въ одно цѣлое. Это и будетъ наблюденіе. Очевидно, оно предполагаетъ особый актъ сочетавающей и различающей дѣятельности души. Актъ этотъ, не такъ простъ, какъ представляется съ перваго взгляда. Легко примѣтить, что не всѣ впечатлѣнія, къ которымъ даютъ поводъ разнообразныя свойства вещи, воспринимаются всякій разъ вмѣстѣ. Когда сахаръ лежитъ на столѣ, мы видимъ только его фигуру и бѣлый цвѣтъ; когда беремъ его рукою, чувствуемъ жесткость; когда беремъ его на языкъ, ощущаемъ сладость. Кромѣ того, мы не всегда воспринимаемъ впечатлѣнія отъ одной вещи, но большею частію отъ многихъ вещей вмѣстѣ: видимъ столъ, полъ, на которомъ онъ стоитъ, и множество вещей, которыя около него расположены, вмѣстѣ съ тѣмъ слышимъ звуки, запахи и т. п. Только послѣ того, какъ совокупятся въ одинъ образъ всѣ свойства вещи и выдѣлится все, что ей не принадлежитъ—столъ, на которомъ она лежитъ, полъ, на которомъ стоитъ столъ, окружа-

ющія вещи—, только тогда является обособленное воззрѣніе вещи въ формѣ наблюденія» (Чистовичъ).

§ 20. *Нормальная и ненормальная дѣятельность чувствъ: апперцепція, иллюзіи и галлюцинаціи.* Наше наблюденіе настоящаго предмета слагается не только изъ настоящихъ нашихъ ощущеній, но и подъ вліяніемъ нашихъ прежнихъ знаній, нашихъ чувствованій и желаній, которыя могутъ сообщить новую окраску, исправляя и дополняя его. Такъ, длинная аллея, по которой мы идемъ, кажется сходящейся вдали подъ угломъ, но на основаніи прежнихъ опытовъ, мы исправляемъ это наблюденіе и утверждаемъ, что это только такъ кажется; смотря на кусокъ сахара мы видимъ только бѣлый предметъ, но, дополняя настоящее воззрѣніе прежними опытами, говоримъ, что видимъ сахаръ, т. е. предметъ, имѣющій не только бѣлый цвѣтъ, но и твердость, сладость и др. свойства; когда мы видимъ змѣю, то не замѣчаемъ ея способности смертельно ужалить, но восполняемъ настоящее наблюденіе другими знаніями и со страхомъ бѣжимъ прочь. Такое дополненіе въ наблюденіи настоящихъ воззрѣній прежними знаніями, чувствованіями и желаніями, называется *апперцепціей*. Доколѣ апперцепція совершается правильно, она помогаетъ нашему знанію, совершенствуя и ускоряя его: такъ, когда мы читаемъ книгу, часто не замѣчаемъ отдѣльныхъ словъ и тѣмъ болѣе буквъ, когда слушаемъ разсказъ, не замѣчаемъ нѣкоторыхъ словъ и даже не нуждаемся въ нихъ, но вѣрно восполняемъ чтеніе и рѣчь и понимаемъ все. Но апперцепція бываетъ иногда неправильной. Нерѣдко бываетъ, что прежнія наши знанія, или чувствованія и желанія предваряютъ и пересиливаютъ настоящее воззрѣніе: тогда мы видимъ и слышимъ не то, что дѣйствительно существуетъ, а то, что мы хотѣли видѣть или слышать, чего ожидали, чѣмъ были заняты. Происходящія такимъ образомъ наблюденія называются *обманами чувствъ*. Они раздѣляются на *иллюзіи* и *галлюцинаціи*.

Иллюзіи-это тѣ неправильныя наблюденія, въ которыхъ есть часть дѣйствительныхъ, истинныхъ воззрѣній, но мы невѣрно апперцепируемъ или дополняемъ ихъ, отсюда и видимъ не то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ: тѣнь дерева принимаемъ за фигуру человѣка, завываніе вѣтра—за разные голоса людей и т. п. Такія ошибочныя наблюденія зависятъ отъ условій физическихъ и психическихъ. Физическими причинами иллюзій служатъ: слабость впечатлѣнія (издали мы напр. принимаемъ собаку за кошку), разстройство органовъ, ихъ особенная тупость и т. п.; психическими:—преобладающее настроеніе („пуганая ворона и куста боится"), а также волненіе опасенія, ожиданія (прим. въ стихотвореніи Пушкина „Ожиданіе"), подозрительность, ревность („Отелло") и др.

Галлюцинаціи—это неправильныя ощущенія и наблюденія, происходящія помимо всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній: наши собственныя представленія, вслѣдствіе необыкновенной ихъ живости, возбуждаютъ чувствительные нервы по направленію отъ центра къ периферіи такъ же точно, какъ они возбуждаются внѣшними впечатлѣніями, и потому намъ кажется, что внѣ насъ есть тѣ самые предметы, представленія о которыхъ существуютъ въ нашемъ сознаніи. Сюда относятся напр. видѣніе на яву того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, слышаніе голосовъ и пр. (Одинъ больной жаловался напр. доктору, что видитъ постоянно трупъ человѣка, стоящаго въ ногахъ у его кровати). Чаще встрѣчаются галлюцинаціи въ области зрѣнія и слуха, рѣже въ области другихъ чувствъ. И онѣ зависятъ отъ причинъ физическихъ и психическихъ; къ первымъ относятся: истощеніе организма болѣзнью (напр. больной, выздоравливавшій отъ холеры, видѣлъ призраки около трехъ футовъ высотой, одѣтые въ жакетки и панталоны цвѣта зеленаго гороха; по мѣрѣ выздоровленія они становились меньше, блѣднѣе, являлись рѣже и наконецъ исчезли), утомленіе отдѣльныхъ органовъ напря-

женной работой (когда напр. мы долго слушали музыку, то и придя домой какъ бы продолжаемъ слышать звуки), чрезмѣрное возбужденіе спиртными напитками и т. п.; ко вторымъ: —разстройство душевной дѣятельности, потому что душевныя болѣзни обыкновенно соединены бываютъ съ галлюцинаціями.

§ 21. *Значеніе способности ощущеній* въ общемъ ходѣ развитія нашей сознательной дѣятельности слѣдующее: а) На этой ступени получается тотъ матеріалъ нашихъ знаній объ окружающемъ мірѣ, который обрабатывается сознательной дѣятельностью на дальнѣйшихъ ступеняхъ: какъ наши представленія о предметахъ, такъ и наши понятія, сужденія и умозаключенія, по содержанію своему, имѣютъ непосредственную связь съ ощущеніями. Отсюда вытекаетъ и необходимость нагляднаго обученія. б) Уже здѣсь начинается замѣтное освобожденіе души отъ соприкосновенія съ чувственными вещами и какъ бы слитности съ ними, потому что душа относитъ всѣ свои ощущенія или къ опредѣленнымъ мѣстамъ своего тѣла или вовнѣ, къ опредѣленнымъ пунктамъ пространства и времени, и такимъ образомъ отдѣляетъ себя отъ своихъ ощущеній, навязываемыхъ впечатлѣніями внѣшнихъ предметовъ и тѣла. в) Уже здѣсь замѣчаются первые проблески формъ сознательной разсудочной дѣятельности—понятій, сужденій и умозаключеній—, потому что душа сочетаетъ ощущенія и разграничиваетъ ихъ по мѣсту, по времени, или по сходству, словомъ по какому-либо общему признаку. г) Душа даже свободно пользуется ощущеніями, особенно зрительными и слуховыми, какъ символами для выраженія своихъ мыслей и чувствованій въ художественныхъ произведеніяхъ.

2) Способность представленій.

§ 22. *Понятіе о представленіи и отличіе его отъ ощущенія.* Обыкновенно ощущенія существуютъ въ душѣ только до тѣхъ поръ, пока есть на лицо предметъ, дѣйствующій

на органы чувствъ; нѣтъ предмета,—прекратилось и ощущеніе. Отсюда, еслибы познавательная дѣятельность ограничивалась ощущеніями, мы знали бы только настоящее. Но душа обладаетъ способностью *сознавать мысленные образы предмѣтовъ* уже послѣ того, какъ послѣдніе перестали дѣйствовать на органы чувствъ: напр., мы видѣли восходъ солнца; картина исчезла, но мы можемъ на всю жизнь сохранить въ душѣ образъ ея. Эти мысленные образы предметовъ и называются *представленіями*.

По содержанію, представленія наши всегда равны ощущеніямъ: ощущаемъ мы цвѣта, звуки, вкусы и пр. и представляемъ ихъ; не ощущаетъ слѣпой—цвѣтовъ, глухой —звуковъ, не имѣютъ и соотвѣтственныхъ представленій. Поэтому насколько разнообразны ощущенія у людей различнаго возраста, у жителей странъ сѣверныхъ и южныхъ и т. п., настолько разнообразны у нихъ и представленія. По ясности своей, представленія зависятъ отъ силы и отчетливости ощущеній: если мы получили отъ предмета слабыя ощущенія, не разглядѣли его форму, цвѣтъ, то и представленіе о немъ будемъ имѣть неясное, и на оборотъ. —Но есть и существенная разница между ощущеніями и представленіями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представленія не такъ совершенны, какъ ощущенія. Такъ а) въ ощущеніяхъ дано бываетъ больше подробностей, чѣмъ въ представленіяхъ, въ ощущеніяхъ напр. наблюдаемаго льва больше мелочей, чѣмъ въ представленіи его; вотъ почему мы и стремимся всегда повѣрять и восполнять ощущеніями наши представленія. б) Представленія не имѣютъ и такой живости, яркости, какъ ощущенія: ощущаемая зубная боль и представленіе о ней, ощущаемый звукъ выстрѣла изъ пушки и представленіе о немъ—далеко неравны; первыя—живы, ярки, послѣднія сравнительно блѣдны, безжизненны. Это зависитъ отъ того, что при ощущеніи всегда данъ бываетъ предметъ, дѣйствующій на органы и нервы периферическіе,

при представленіи же нѣтъ предмета и раздраженія нервовъ периферіи.— Въ другихъ же отношеніяхъ представленія выше ощущеній. Такъ, а) представленія превосходятъ ощущенія уже по своей природѣ, потому что ощущенія суть явленія физико-психическія, а представленія чисто психическія; б) превосходятъ и по своей продолжительности, потому что ощущенія существуютъ до тѣхъ поръ, пока данъ предметъ, а представленія—постоянное достояніе души. Въ этомъ отношеніи представленія и ощущенія можно сравнить съ буквой и звукомъ: какъ буквы увѣковѣчиваютъ слова и мысли, такъ и представленія увѣковѣчиваютъ ощущенія.

§ 23. *Способъ образованія душой представленій* состоитъ въ томъ, что она, различая данное въ ощущеніяхъ отъ иного и такимъ образомъ сообщая ему извѣстную опредѣленность, какъ бы ставитъ его предъ собой, дѣлаетъ его въ себѣ предметомъ сознанія. Этимъ способомъ образуются наши первыя представленія о томъ, что мы видимъ, слышимъ, обоняемъ, осязаемъ и т. д. (о. цвѣтахъ, звукахъ, запахахъ, плотности, тяжести и проч.). Но по мѣрѣ того какъ накопляются эти представленія, душа, сочетая ихъ, какъ данныя одновременно или послѣдовательно, образуетъ *сложныя* представленія, подобно тому какъ изъ простыхъ воззрѣній образуетъ сложное воззрѣніе или наблюденіе, напр. сочетая представленія желтаго блеска, извѣстной формы, тяжести и звука образуетъ сложное представленіе о золотой монетѣ. Изъ однородныхъ сложныхъ представленій она образуетъ *общія*, вслѣдствіе того, что сходные ихъ признаки, повторяющіеся чаще различій, она механически сочетаетъ въ одно цѣлое, а особенности оставляетъ, напр. изъ однородныхъ представленій о разныхъ людяхъ она образуетъ общее представленіе о человѣкѣ, въ которомъ особенности разныхъ лицъ сглаживаются, а выступаютъ на первый

планъ только болѣе общіе признаки. Въ этомъ случаѣ получается какъ бы неопредѣленная схема, приложимая одинаково ко всѣмъ предметамъ одного и того же рода.

§ 24. Въ дѣятельности души по отношенію къ этимъ представленіямъ можно различать два главные вида: а) душа сохраняетъ представленія въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ они первоначально возникли и б) создаетъ изъ нихъ нѣчто новое, механически и даже произвольно сочетая и раздѣляя ихъ; первый видъ составляетъ память, второй— воображеніе.

§ 25. *Память, какъ способность души сохранять и воспроизводить представленія.* Въ широкомъ смыслѣ *памятью* называется способность души сохранять представленія и воспроизводить въ томъ самомъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ они первоначально усвоены; въ смыслѣ же болѣе тѣсномъ такъ называется только способность души сохранять представленія, способность же воспроизводить ихъ называется *воспоминаніемъ*.

Что представленія, разъ созданныя душой, сохраняются затѣмъ въ ней, это видно изъ того факта, что мы вспоминаемъ эти представленія, при отсутствіи ихъ предметовъ; напр. разъ увидавъ слона, мы потомъ вспоминаемъ о немъ при нужныхъ обстоятельствахъ. Есть основаніе думать, что представленія могутъ сохраняться въ душѣ въ теченіе очень долгаго времени почти съ первоначальной точностью, потому что нерѣдко, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, воспроизводятся такія представленія, которыя мы считали совершенно забытыми. Психологи приводятъ много примѣровъ тому. Такъ, одинъ изъ нихъ (Аберкроми) разсказываетъ про маленькую дѣвочку, которая выросла совершенно не помня матери. Уже въ зрѣломъ возрастѣ ей случилось однажды попасть въ ту комнату, гдѣ нѣкогда лежала ея больная мать. По обстановкѣ комнаты, она припомнила, что когда-то была въ ней и въ углу видѣла больную жен-

щину, которая обнимала ее и плакала и что эта женщина была ея мать. Другой психологъ (Карпенторъ) приводитъ примѣръ еще болѣе замѣчательный. Одному лицу случилось ѣхать съ друзьями въ замокъ, который, казалось, былъ вовсе ему неизвѣстенъ. Но едва они приблизились къ воротамъ замка, ему представилось, что все это знакомо, что когда-то онъ видѣлъ не только эти ворота, но еще оселъ подъ сводами и людей на верху арки. Спросивши свою мать, онъ узналъ, что дѣйствительно былъ здѣсь, когда ему было полтора года, что старшіе завтракали наверху, а онъ съ прислугой оставался внизу.—Но не всегда и не у всѣхъ людей эта способность сохранять представленія одинакова. По скорости усвоенія представленій, память бываетъ *воспріимчивая и невоспріимчивая*. Первая легко усвояетъ получаемыя знанія: есть напр. люди, которымъ достаточно одинъ разъ прочесть, услышать, увидѣть что-либо, и это они всегда помнятъ; вторая съ трудомъ усвояетъ знанія: есть люди, которымъ нужно много разъ повторить одно и тоже, чтобы запомнить. По объему сохраняемыхъ представленій, память бываетъ *широкая* и *узкая*. Первая сохраняетъ множество разнообразныхъ знаній: напр. кардиналъ Мецофанти зналъ 60 языковъ, Гумбольдтъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ естествознанія и др. Вторая не можетъ сохранять такъ много знаній и, усвоя одни, забываетъ другія: часто встрѣчаются люди, которые много и долго учились, но у которыхъ въ данный моментъ свѣдѣнія невелики. Эта ограниченность нерѣдко выражается въ односторонности, когда человѣкъ помнитъ представленія только опредѣленнаго класса предметовъ. „Память моя, говорилъ о себѣ Вальтеръ Скоттъ, ненадежный мой союзникъ, капризничаетъ цѣлую жизнь, такъ что я не имѣю надъ ней почти никакой власти. Я отлично помню лучшія мѣста изъ поэтовъ, пѣсенку изъ трагедіи или драмы, особенно баллады; но имена, числа и все, что относится къ точной

исторіи, не по моей части.“—По точности сохраняемыхъ представленій, память бываетъ *вѣрная и невѣрная*: есть люди, которые, разъ усвоивъ извѣстное знаніе, сохраняютъ его съ первоначальной точностью, но есть и такіе, которые по прошествіи нѣкотораго времени не въ состояніи припомнить точно, что видѣли и слышали.

§ 26. *Воспоминаніе* есть способность души воспроизводить сохранявшіяся представленія въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ они разъ были усвоены, сознавая, что они и прежде были у насъ: когда я вспоминаю свой родной домъ и старушку мать, то какъ бы вновь создаю ихъ образы, сохраняя убѣжденіе, что они не въ первый разъ являются въ моемъ сознаніи, а были уже раньше. По отношенію къ нашей волѣ, оно бываетъ: *непроизвольное*, когда представленія сами собой являются въ сознаніи, одно вызывая другое, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, и *произвольное*, иначе называемое *припоминаніемъ*, когда мы дѣлаемъ усилія, иногда и безуспѣшныя, къ тому, чтобы припомнить нужное представленіе. Предположимъ, говоритъ Ушинскій, что въ данный моментъ сознаніе наше занято какимъ-либо сложнымъ представленіемъ, элементы котораго пусть будутъ a, b, c, d, e, f,; предположимъ, что элементъ *a* связываетъ это представленіе, но слабо, съ другимъ, которое намъ нужно въ ходѣ мышленія; элементы же b, c, d, и проч. связываютъ его сильно съ такими представленіями, которыя намъ не нужны. Въ такомъ случаѣ, чтобы вызвать первое представленіе мы должны сдѣлать усиліе, между тѣмъ послѣднія сами явятся въ сознаніи, даже противъ желанія.—По степени легкости оно бываетъ *скорое*, живое, когда человѣкъ мгновенно, какъ бы безъ малѣйшаго усилія, вспоминаетъ все, что знаетъ, и *медленное*, вялое, когда онъ дѣлаетъ замѣтныя усилія, иногда значительныя, чтобы припомнить нужное.

Воспроизведеніе представленій основывается на той связи, которая существуетъ между ними и называется *ассоціаціей* представленій. Эта ассоціація устанавливается душой, потому что она, создавая разныя представленія, механически связываетъ, какъ бы склеиваетъ ихъ, то какъ части въ одно цѣлое, то какъ члены въ одинъ рядъ. Поэтому воспроизводимое представленіе не одно является въ сознаніи, но влечетъ и то цѣлое или тотъ рядъ, часть котораго оно составляетъ, и изъ цѣлаго именно ту часть, съ которой крѣпче связано. Главныхъ законовъ, которыми управляется ассоціація представленій, два: *смежности* и *сходства*.

Законъ *смежности* можно выразить слѣдующимъ образомъ: «движенія, ощущенія, мысли, состоянія чувства и воли, возникающія въ душѣ вмѣстѣ, т. е. *одновременно* или *въ тѣсномъ пространствѣ*, такъ связываются, что, когда послѣ является въ сознаніи одно изъ нихъ, бываютъ готовы къ воспроизведенію и остальныя.» Отсюда видно, что законъ этотъ простирается не на одни представленія, а на всѣ духовныя состоянія, и что смежность бываетъ двухъ видовъ —*по пространству* или сосуществованіе и *по времени* или послѣдовательность. Законъ сосуществованія состоитъ въ томъ, что, наблюдая предметы, размѣщенные въ пространствѣ одинъ подлѣ другого, мы воспроизводимъ и представленія о нихъ въ томъ же порядкѣ. Наиболѣе широкое примѣненіе имѣетъ этотъ законъ при изученіи географіи: представляя расположеніе на землѣ воды и суши, очертаніе и взаимное положеніе частей свѣта, направленіе рѣкъ, горъ и равнинъ мы только воспроизводимъ представленія о предметахъ, существующихъ другъ подлѣ друга. Ассоціацію представленій по этому закону можно выразить формулой: $б, \overset{г}{А}, в$; въ ней А есть первое данное представленіе, б, в, г, д, суть представленія, вызванныя первымъ. Законъ послѣдовательности состоитъ въ томъ, что, наблюдая разъ

событія одно послѣ другаго, мы воспроизводимъ и представленія о нихъ въ томъ же самомъ порядкѣ. По этому закону мы поступаемъ, когда воспроизводимъ напр. стихи, названія мѣсяцевъ и дней, алфавитный порядокъ буквъ, хронологическій порядокъ историческихъ событій и т. п. Наиболѣе широкое примѣненіе имѣетъ этотъ законъ при изученіи исторіи. Формулу его можно выразить такъ: А+б+в+г....

Законъ *сходства* можно выразить слѣдующимъ образомъ: „настоящія ощущенія, мысли, чувствованія и дѣйствія воли напоминаютъ и вызываютъ сходныя съ ними прежнія состоянія.“ И этотъ законъ простирается не на одни представленія, но на всѣ духовныя состоянія, и онъ также имѣетъ два вида—собственно *сходства* и *противоположности*. По закону собственно сходства связываются состоянія видимо сходныя. Напр. нашествіе Гунновъ напоминаетъ нашествіе Монголовъ, гористая Швейцарія—Кавказъ, Балтійское море—Каспійское, Черное и т. п. По закону же противоположности связываются состоянія не сходныя, а противоположныя: напр. бѣдная хижина напоминаетъ дворецъ богача, тепло—холодъ, сладкое—горькое.... Подобныя ассоціаціи часто встрѣчаются и въ поэзіи: напр. „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“.... (Державинъ). Однако законъ этотъ есть только видоизмѣненіе закона сходства, потому что противоположныя представленія суть крайніе виды одного и того же порядка явленій: бѣлое и черное—виды цвѣта, тепло и холодъ—виды температуры, добрый и дурной—виды нравственности и проч.

§ 27. *Совершенства и недостатки памяти и воспоминанія.* Память въ широкомъ смыслѣ, какъ способность сохранять и воспроизводить представленія, рѣдко соединяетъ въ себѣ всѣ совершенства: рѣдко можно встрѣтить человѣка, который много, легко и скоро воспринималъ бы, долго и вѣрно сохранялъ воспринятое, по произволу и быстро

воспроизводилъ бы. Большею частію совершенства эти даны бываютъ въ раздѣльности: одинъ скоро запоминаетъ, но не надолго, другой много сохраняетъ въ памяти, но не точно, третій долго сохраняетъ, но не много и т. п. Впрочемъ исторія представляетъ намъ и такихъ личностей, память которыхъ отличалась если не всѣми, то весьма многими достоинствами и была своего рода *талантомъ:* Ѳемистоклъ напр. зналъ имена всѣхъ аѳинскихъ гражданъ (около 20 тыс.), Скалигоръ выучилъ наизусть произведенія Гомера въ 21 день, Лейбницъ зналъ наизусть Энеиду Виргилія, Паскаль, Локкъ, Гумбольдтъ и др. отличались замѣчательной обширностью, воспріимчивостью и вѣрностью памяти. Точно также и недостатки памяти рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, рѣдко можно встрѣтить человѣка, память котораго была бы и невоспріимчива, и необширна, и непродолжительна, и невѣрна; большею частію и недостатки эти даны бываютъ въ раздѣльности. Но и здѣсь бываютъ исключенія, встрѣчаются люди съ крайне слабой и недостаточной памятью: таковы напр. идіоты, кретины и вообще люди душевно больные.

Какъ достоинства, такъ и недостатки памяти, конечно, часто даны бываютъ отъ природы; въ школѣ часто можно наблюдать, что одинъ ребенокъ скоро, легко воспринимаетъ, сохраняетъ, и воспроизводитъ, другой—крайне медленно, вяло. Но они много зависятъ и отъ условій духовно-тѣлесной жизни человѣка. Такъ, духовными условіями совершенства памяти нужно признать слѣдующія: а) *Сила* полученнаго *ощущенія*, потому что каждому извѣстно, что событія и предметы, поразившіе насъ, напр. сильная гроза, пожаръ, наводненіе, восходъ солнца и под., иногда сохраняются въ памяти всю жизнь, обычныя же явленія—часто остаются и незамѣченными. б) *Количество ощущеній*, полученныхъ отъ одного и того же предмета. Мы скорѣе и лучше запомнимъ иностранныя слова, говоритъ Уминскій,

если будемъ воспринимать впечатлѣнія не однимъ, а нѣсколькими органами, если напр. будемъ читать ихъ глазами, произносить вслухъ, слушать какъ мы произносимъ и произносятъ другіе, и въ то же время писать ихъ; если потомъ при воспроизведеніи ошибется одинъ изъ органовъ, то исправитъ другой, третій и т. д. в) *Внимательное отношеніе* къ дѣлу, потому что каждый по опыту знаетъ, что книга или урокъ, прочитанныя со вниманіемъ, долго помнятся. г) *Интересъ событія:* мы лучше помнимъ вообще тѣ событія, которыя такъ или иначе взволновали насъ, возбудили пріятныя или непріятныя чувствованія, напр. Крымскую войну, 1812 годъ, равно какъ дни нашихъ личныхъ скорбей и радостей. д) *Связь настоящаго предмета или событія съ другими извѣстными намъ:* какъ каждое историческое событіе, такъ и каждый урокъ мы хорошо запомнимъ, если свяжемъ съ предшествующимъ и послѣдующимъ и такъ сказать вплетемъ его въ сѣть нашихъ знаній. е) *Повтореніе* съ давнихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ средствъ запоминанія, да и каждый изъ собственнаго опыта знаетъ, что хорошо помнится только то, что мы повторяемъ; но повторенія должны быть многократны за одинъ разъ и часты по времени.—Къ физіологическимъ условіямъ, вліяющимъ на совершенство памяти, относятся: а) *Состояніе нервной системы въ зависимости отъ возраста:* замѣчено, что наиболѣе воспріимчивой бываетъ память въ дѣтствѣ и отрочествѣ, когда нервная система отличается свѣжестью, наименѣе воспріимчивой—въ старости, когда она дѣлается слабѣе и плохо удерживаетъ новыя свѣдѣнія. б) *Пріемъ нѣкоторыхъ веществъ*, вліяющихъ на состояніе нервной системы: такъ, опіумъ, вино, кофе, чай и др., въ небольшомъ количествѣ, возбуждаютъ нервную систему и усиливаютъ воспроизведеніе, а неумѣренность въ принятіи ихъ—подавляетъ память. в) *Болѣзни и механическія поврежденія нервной системы:* такъ, всѣ лихорадочныя состоянія дѣйствуютъ

возбудительно и можно сказать, что представленія иначе смѣняются при 38° температуры тѣла, чѣмъ при 37°; механическіе удары или ослабляютъ память или совершенно уничтожаютъ, нерѣдки и такіе случаи, когда отъ удара въ голову человѣкъ терялъ память лицъ, чиселъ, словъ, своей прошлой жизни и т. п.

Существуетъ много и искуственныхъ средствъ, помогающихъ запоминанію (мнемоника). Такъ, древніе ораторы произносили рѣчи въ разныхъ комнатахъ для того, чтобы слушатели лучше запомнили ихъ, связавъ содержаніе каждой рѣчи съ обстановкой комнаты; современные педагоги нерѣдко излагаютъ въ стихахъ неправильные глаголы, предлоги, нарѣчія и проч. для той же цѣли; сами ученики прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ, отыскивая напр. случайное созвучіе въ словахъ родныхъ и иностранныхъ, случайное сходство историческихъ событій и т. п. Значенія этихъ средствъ отрицать нельзя, но пользоваться ими слѣдуетъ осторожно, во первыхъ потому, что здѣсь вниманіе отвлекается къ знаку несущественному, который послѣ нужно забыть, во вторыхъ потому, что легко можно пріучиться связывать ряды представленій не по существеннымъ признакамъ ихъ, а по случайнымъ, что вредно вліяетъ на умственное развитіе.

§ 28. *Воображеніе, какъ способность произвольнаго сочетанія представленій*, тѣмъ отличается отъ памяти, что создаетъ изъ имѣющихся представленій нѣчто новое, не соотвѣтствующее дѣйствительности, иногда странное, смѣшное и причудливое, произвольно и даже механически сочетая и раздѣляя ихъ. Напр. Поперекъ моря лежитъ чудо-юдо

Рыба китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ....

(Конекъ-Горбунокъ. *Ершовъ*).

Впрочемъ новизна произведеній воображенія касается не содержанія, а только формы, новой комбинаціи того, что уже раньше было извѣстно. Воображеніе не можетъ создать ни невиданнаго цвѣта, ни звука неслыханнаго, словомъ ничего, что не было дано въ ощущеніяхъ; если воображеніе Египтянъ создало сфинкса, воображеніе Грековъ— пегаса, то элементы этихъ произведеній даны были уже раньше. Вотъ почему воображеніе и называется формующей способностью.

Въ своей формующей дѣятельности воображеніе пользуется слѣдующими пріемами: а) отвлеченіемъ, которое состоитъ въ томъ, что изъ сложнаго представленія выдѣляется болѣе или менѣе значительная часть элементовъ. Такъ, поэтъ, желая изобразить напр. страсть честолюбія или скупости, беретъ нужныя ему черты у различныхъ людей, въ которыхъ онъ замѣчалъ эту страсть. Такъ какъ черты эти могутъ быть скудны, блѣдны, недостаточны для созданія художественнаго типа или картины, то воображеніе пользуется еще б) детерминированіемъ, добавленіемъ ихъ новыми признаками, увеличеніемъ или уменьшеніемъ ихъ степени. Великаны, поддерживающіе небесный сводъ, и карлики съ лиллипутами, стоглазый аргусъ, трехглазый церберъ и одноглазый циклопъ, жаръ—птица и хрустальный дворецъ— суть примѣры этой дѣятельности воображенія. Такъ какъ и детерминированные черты и образы не могутъ дать цѣлаго произведенія, то воображеніе пользуется и в) комбинированіемъ: элементы и представленія, взятые изъ разныхъ источниковъ и такъ или иначе детерминированные, оно сочетаетъ въ одно цѣлое произведеніе, совершенно новое по формѣ. Когда мы читаемъ „Руслана и Людмиллу“, то воображаемъ и волшебника черномора съ длинной бородой, и громадную говорящую голову, и садъ черномора, и его шапку невидимку и все прочее, хотя увѣрены, что ничего

подобнаго въ дѣйствительности не было и нѣтъ, что все это создано изъ элементовъ, данныхъ въ наблюденіи.

§ 29. *Качества воображенія: его достоинства и недостатки.* Не всегда и не у всѣхъ людей воображеніе одинаково. По степени силы можно различать воображеніе *живое* и *вялое*. Первое легко вобуждается къ дѣятельности, создаетъ образы яркіе, можетъ дѣйствовать долго: таково воображеніе дѣтей, поэтовъ, людей даровитыхъ. Второе возбуждается къ дѣятельности только сильными интересами, создаетъ образы блѣдные и скоро утомляется: таково воображеніе стариковъ и людей малоспособныхъ.—По степени производительности можно различать воображеніе *плодовитое* и *скудное*. Первое бываетъ неистощимымъ въ созданіи новыхъ образовъ, плановъ и комбинацій: напр. итальянскіе импровизаторы могутъ по цѣлымъ часамъ пѣть экспромптомъ поэтическіе разсказы въ стихахъ. Второе съ трудомъ создаетъ произведенія и скоро истощается: писатель съ такимъ воображеніемъ часто замѣняетъ живые образы холодными разсужденіями и, создавши два—три произведенія, истощается.—По качеству произведеній можно различать воображеніе *оригинальное и подражательное*. Первое создаетъ самобытныя, совершенно новыя произведенія: таково воображеніе великихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ, упрочившихъ свою славу въ искуствѣ и наукѣ. Второе нуждается въ примѣрѣ, въ готовомъ пути: таково воображеніе большей части людей.

§ 30. *Дѣятельность воображенія* всегда, подобно и инымъ способностямъ, стоитъ *въ зависимости отъ состоянія тѣлесно-духовной жизни*. Такъ, оно зависитъ: а) *отъ нашихъ ощущеній*. Извѣстно, что нѣкоторыя зрительныя ощущенія, особенно-цвѣта красный и фіолетовый, нѣкоторые звуки напр. дробь барабановъ, плескъ воды, шелестъ древесныхъ листьевъ, шумъ и свистъ вѣтра, даже нѣкоторые запахи, напр. запахъ цвѣтовъ померанца и акаціи, особенно цѣлыя кар-

тины данныя въ наблюденіи, напр. видъ моря съ игрой его волнъ и переливами свѣта, ландшафтъ съ высокими горами и глубокими долинами, своеобразная форма и группировка скалъ и деревьевъ и т. п.,—возбуждаютъ дѣятельность воображенія, хотя часто очень легко. Болѣе сильное вліяніе производятъ ощущенія, когда множество ихъ, сочетавшись, выражается въ настроеніи веселомъ или мрачномъ: такое настроеніе обыкновенно возбуждаетъ и дѣятельность воображенія въ соотвѣтственномъ направленіи. б) *отъ понятій и научныхъ знаній*. Когда ученый составилъ ясное понятіе о предметѣ, придумалъ объясненіе явленія, то, пользуясь воображеніемъ, онъ излагаетъ свои знанія въ живой, наглядной формѣ. Это мы видимъ какъ въ созданіи теорій и гипотезъ, напр. о первоначальномъ состояніи вселенной и земли, о древнѣйшемъ растительномъ царствѣ, такъ и въ особенности при созданіи историческихъ драммъ, трагедій, комедій, повѣстей, романовъ, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ, по имѣющимся остаткамъ и документамъ, иногда недостаточнымъ, ученый руководясь своими общими знаніями, возсоздаетъ извѣстную личность, событіе, эпоху и пр. в) *отъ нашихъ чувствованій*. Такъ, извѣстно, что чувства опасенія, страха, тоски могутъ возбуждать дѣятельность воображенія то такой степени, что ея созданія кажутся дѣйствительными предметами и даже смѣшиваются съ ними („у страха глаза велики“). Почти такое же вліяніе имѣютъ чувства недовѣрія, подозрительности, ревности, любви, ненависти и зависти. Какъ въ любви воображеніе идеализируетъ свой предметъ, напр. друга, отца, мать, брата, сестру, уменьшаетъ недостатки и увеличиваетъ достоинства, такъ въ зависти, ненависти, оно дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи. И радость возбуждаетъ силу воображенія, хотя по большей части не надолго; горесть же о потеряномъ счастьи, раскаяніе въ проступкахъ, укоры совѣсти такъ сильно возбуждаютъ дѣятельность воображенія,

что часто потрясаютъ и тѣлесную и духовную жизнь человѣка. Напротивъ испугъ подавляетъ какъ вообще дѣятельность духовныхъ способностей, такъ и дѣятельность воображенія. г) *отъ желаній и цѣлей.* Часто созданія воображенія сплотаются и располагаются въ ряды помимо нашей воли: таковы напр. мечты, грезы, безцѣльная игра представленіями, когда одно изъ нихъ вызываетъ другое и т. п.; въ этомъ случаѣ воображеніе называется *пассивнымъ.* Но созданія воображенія легко появляются и въ зависимости отъ нашихъ цѣлей. Таковы напр. планъ сраженія, создаваемый полководцемъ ради побѣды, гипотеза, создаваемая ученымъ ради объясненія явленія, картина, создаваемая художникомъ и проч.; такъ дѣйствующее воображеніе называется *активнымъ.* —Точно также зависитъ дѣятельность воображенія и отъ физическихъ условій жизни, именно: а) *отъ возраста*, пола, темперамента, потому что у дѣтей, женщинъ, сангвиниковъ оно вообще живѣе, чѣмъ у стариковъ, мущинъ и флегматиковъ; б) *отъ климатическихъ условій*, потому что жители теплыхъ странъ обладаютъ болѣе пламеннымъ воображеніемъ, чѣмъ жители холодныхъ; в) *отъ временъ года*, потому что весна и лѣто, осень и зима не одинаково вліяютъ какъ вообще на духовную жизнь, такъ и въ частности на воображеніе.

§ 31 Но и *воображеніе* въ свою очередь *оказываетъ вліяніе на духовно-тѣлесную жизнь* человѣка. Такъ, оно вліяетъ а) *на способность ощущеній*: даже отъ прекраснаго кушанья мы отворачимся, когда воображаемъ, что оно приготовлено нечистыми руками; розовыя щеки перестаютъ нравиться, когда мы знаемъ, что онѣ подкрашены; всѣ иллюзіи происходятъ отъ того, что къ наличнымъ ощущеніямъ воображеніе примѣшиваетъ свои образы. б) *на всю нашу познавательную дѣятельность.* Пріобрѣтаемъ ли мы знанія слушая разсказы или читая книги, мы непремѣнно пользуемся воображеніемъ: когда напр. ребенокъ слѣдитъ за

описаніемъ пустыни, то воображеніе его рисуетъ безграничную равнину, покрытую пескомъ, безъ всякаго признака жизни. Понимаемъ мы предлагаемыя знанія тоже при значительномъ участіи воображенія: если напр. ребенокъ не въ состояніи отчетливо вообразить размѣры ледяной горы, то онъ не будетъ подготовленъ къ пониманію тѣхъ опасностей, которыми грозятъ судамъ эти плавучія массы льда. Открываемъ мы новые факты и истины тоже при участіи воображенія: когда напр. Коперникъ, наблюдая искру и трескъ при опытахъ съ электрической машиной, сдѣлалъ открытіе, что молнія и громъ тоже произведеніе электричества, онъ только преувеличилъ воображеніемъ наблюдаемое явленіе при опытахъ и для него стало понято явленіе природы; точно также когда ребенокъ предугадываетъ устройство своихъ игрушекъ, пользуется тѣмъ же воображеніемъ. *в) на наши чувствованія.* Въ сочиненіи Шекспира „Ричардъ III“ королева Маргарита такъ учитъ королеву Елисавету проклинать злодѣевъ: „не спи ночей и голодай по днямъ, припоминай живѣй былое счастье и съ скорбью новой сравнивай его, воображеньемъ прелесть умножай своихъ малютокъ, сгубленныхъ злодѣемъ, а въ немъ преувеличивай все это, украсъ твою потерю и виновникъ той потери проклятью подпадетъ и сами прилетятъ къ тебѣ проклятья“ . . . г) *на способность желаній.* Существуетъ много примѣровъ, когда созданія воображенія увлекали людей къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ: не воображаемыя ли необычайныя богатства Мексики и Перу увлекли Испанцевъ къ завоеванію ихъ? не воображеніе ли увлекло средневѣковыхъ алхимиковъ къ отысканію философскаго камня и живительнаго элексира? Но въ особенности воображеніе имѣетъ значеніе въ эстетической и художественной дѣятельности: здѣсь оно не только создаетъ мысленные образы, но и ту внѣшнюю форму, то сочетаніе красокъ, звуковъ, линій, въ которыхъ лучше всего можно выразить вообра-

жаемый типъ.—Точно также воображеніе вліяетъ и на тѣлесную жизнь. Оно можетъ возбудить дѣятельность органовъ: напр живое представленіе лакомаго блюда вызываетъ отдѣленіе слюны, а представленіе отвратительнаго—тошноту; оно можетъ здороваго сдѣлать—больнымъ и больного здоровымъ: во время господства эпидемій, воображеніе человѣка, крайне опасающагося заразы, можетъ вызвать въ немъ дѣйствительную болѣзнь; одинъ ученикъ страдалъ всѣми тѣми болѣзнями, которыя учитель-докторъ картинно и живо описывалъ. Когда во время осады Бреды, въ 1625 году, гарнизонъ былъ доведенъ до крайне бѣдственнаго положенія свирѣпствовавшей между солдатами цынгой, принцъ Оранскій распространилъ слухъ, что больнымъ будутъ доставлены лѣкарства величайшей цѣлебной силы. Каждый врачъ былъ снабженъ тремя небольшими пузырьками съ настоемъ ромашки, полыни и камфоры и всѣмъ было сообщено, что достаточно трехъ-четырехъ каплей этой жидкости, чтобы придать цѣлебное свойство цѣлому галлону воды. Этимъ не только дальнѣйшее распространеніе болѣзни было пріостановлено, но огромное число людей, уже страдавшихъ ею, быстро поправилось.

§ 32. *Фантазія.* Отъ воображенія, какъ способности души создавать новые образы, иногда уродливые и произвольные, нужно отличать собственно фантазію. Она есть также воображеніе; но а) развиваетъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ особыхъ, только человѣку свойственныхъ, мотивовъ и достигаетъ особыхъ результатовъ. Такъ, мотивомъ ея дѣятельности служитъ прежде всего присущее всѣмъ людямъ стремленіе къ величественному, необыкновенному, чудесному. Стремленіе это составляетъ отличительную особенность собственно человѣческой духовной жизни, потому что ни въ одномъ животномъ не замѣчается. Только этимъ стремленіемъ и можно объяснить то своеобразное, по видимому, противуестественное удовольствіе, ко-

торое мы испытываемъ при видѣ трагическаго, страшнаго, ужаснаго: насъ здѣсь поражаетъ необыкновенная громадность замысла, сила страсти, смѣлость, ловкость, обдуманность, энергія воли; только имъ же можно объяснить нашу жажду великихъ подвиговъ, необыкновенныхъ успѣховъ, и иллюзіи о нашихъ силахъ, талантахъ, преимуществахъ и проч. Мотивомъ ея дѣятельности служитъ также стремленіе къ полнотѣ, законченности въ знаніи, въ жизни и дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и націй и всего человѣчества. И это стремленіе составляетъ исключительную принадлежность только человѣка. Подъ вліяніемъ его каждый человѣкъ старается расширить кругъ своихъ знаній и дѣйствій, каждая наука ищетъ полноты, округленія, законченности. Руководимая такими мотивами, фантазія и создаетъ идеалы, какъ образцы совершеннаго, чудеснаго, необыкновеннаго. б) И въ формальномъ отношеніи фантазія составляетъ совершеннѣйшій видъ воображенія. Она не по прихоти и произволу отбрасываетъ одни признаки и беретъ другіе, не по прихоти составляетъ и новыя сочетанія, но съ тѣмъ, чтобы, отбросивъ случайное и несущественное, удержавъ и дополнивъ болѣе важное и существенное, создать совершеннѣйшій образецъ извѣстнаго рода. Въ этомъ отношеніи фантазія приближается къ дѣятельности мышленія и ея дѣятельность можно назвать несознательнымъ, нерефлективнымъ мышленіемъ. в) Наконецъ, она стремится выражать свои обобщенныя, типическія представленія въ конкретныхъ формахъ, доступныхъ зрѣнію и слуху, въ краскахъ, линіяхъ, звукахъ. Таковы напр. произведенія поэзіи, живописи, скульптуры и т. под.

§ 33. *Смыслъ способности представленій* въ общемъ ходѣ развитія нашей сознательной духовной жизни видѣнъ въ томъ, что а) душа сберегаетъ всѣ полученныя знанія, какъ матеріалъ для послѣдующей разсудочной дѣятельности; б) отчетливо отличаетъ себя отъ своихъ представленій, какъ

бы ставя ихъ предъ собой и дѣлая предметомъ различающей и сочетавающей дѣятельности; в) обнаруживаетъ еще бо́льшую самостоятельность и независимость въ отношеніи къ чувственному міру, такъ какъ произвольно сочетаетъ представленія и создаетъ образы, несоотвѣтствующіе дѣйствительности; г) наконецъ, въ дѣятельности фантазіи замѣтно приближается къ разсудку, такъ какъ сочетаетъ представленія не по произволу, а по законамъ ума, хотя еще не сознаваемымъ, даже проявляетъ проблески разума, дѣйствуя по руководству высшихъ, идеальныхъ побужденій. Но и на этой ступени душа еще не освобождается окончательно отъ связи съ чувственностью: это видно въ томъ, что она стремится выразить созданія даже фантазіи въ конкретныхъ, чувственныхъ формахъ, въ сочетаніи линій, звуковъ, красокъ.

3) Способность мышленія—разсудокъ.

§ 34. Способность мышленія — *разсудокъ* имѣетъ дѣло также съ представленіями, сочетая и разграничивая ихъ; но отличается отъ способности представленій тѣмъ, что а) сознаетъ самые законы и формы или способы своей дѣятельности, почему душа на этой ступени становится самосознательной; б) руководясь своими законами, сочетаетъ и разграничиваетъ представленія не произвольно, а на основаніи общаго и существеннаго сходства между ними или различія, и потому мы понимаемъ какъ то, почему сочетаемъ одни и раздѣляемъ другія представленія, такъ и то, почему дѣлаемъ это въ такой, а не иной формѣ. Сознательная дѣятельность души, обнаруживаемая разсудкомъ, называется *мышленіемъ*. Когда напр. Ньютонъ, зная фактъ притяженія всѣхъ планетъ къ солнцу и луны къ землѣ, призналъ и въ паденіи тѣлъ на землю общее свойство тяготѣнія ихъ къ центру земли, а затѣмъ, сопоставивъ эти факты и обобщивъ ихъ, открылъ законъ тяготѣнія всѣхъ тѣлъ къ солнцу,— то онъ размышлялъ; точно также, когда механикъ, приго-

товивъ машину для извѣстной цѣли, сознаетъ, какія части составляютъ ее, въ какомъ отношеніи находятся, какое устройство имѣетъ каждая изъ нихъ каково общее дѣйствіе ихъ,—то и онъ размышляетъ.—Очевидно, мышленіе существенно отличается отъ теченія представленій по законамъ ассоціаціи: тамъ (въ ассоціаціи) существуетъ только случайное сцѣпленіе, механическая спайка сходныхъ и распаденіе несходныхъ представленій, а здѣсь мы сознаемъ основанія, законы сочетанія или разграниченія, необходимость такъ, а не иначе сопоставить ихъ. Вотъ почему и измѣненіе рѣшенія разсудка не зависитъ отъ нашей воли: бываютъ случаи, когда намъ очень хотѣлось бы думать, что 2+2=5, но это оказывается невозможнымъ. Но очевидно также, что мышленіе стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ представленіямъ, потому что оно разграничиваетъ и поставляетъ въ соотношеніе наши *представленія*, стараясь отдѣлить въ нихъ важное отъ неважнаго, опредѣлить необходимую связь между ними, вытекающую изъ самой природы предметовъ представляемыхъ и такимъ образомъ понять ихъ смыслъ и значеніе. Напр. мы часто видали желѣзнодорожный паровозъ, ясно представляемъ и его наружный видъ и внутреннее устройство и расположеніе его составныхъ частей; но мы не знаемъ, почему онъ имѣетъ такую именно форму, почему части его устроены такъ, а не иначе, почему онѣ находятся въ такой, а не иной связи; дѣятельность мышленія и направляется къ тому, чтобы дать отвѣты на всѣ подобные вопросы. Для достиженія этой цѣли, мы сравниваемъ другія возможныя формы паровоза, изучаемъ его составныя части въ отдѣльности и во взаимномъ отношеніи, и когда узнаемъ, почему онъ именно такой, а не иной, то можемъ сказать, что поняли устройство паровоза. Съ другой стороны, такъ какъ произведенія мышленія не являются сразу въ готовомъ, законченномъ видѣ, а создаются и развиваются изъ пред-

ставленій постепенно, то они всегда переплетены бываютъ съ представленіями. Напр. ребенокъ, у котораго имѣются представленія о металлахъ—золотѣ, серебрѣ, мѣди, желѣзѣ, оловѣ и под., путемъ размышленія приходитъ къ выводу, что металлъ есть тѣло плотное и твердое; но встрѣтивъ ртуть, онъ измѣняетъ свой выводъ, соотвѣтственно новому представленію. Да и разъясняемъ мы выводы мышленія, обращаясь къ тѣмъ же представленіямъ частныхъ случаевъ: напр. чтобы разъяснить всеобщность закона тяготѣнія, мы обращаемся къ представленіямъ отдѣльныхъ тѣлъ и замѣчаемъ, что всѣ послѣднія имѣютъ стремленіе падать.

§ 35. *Основныхъ законовъ мышленія*, по руководству которыхъ оно совершается и отъ соблюденія которыхъ зависитъ вѣрность и состоятельность его произведеній, четыре: тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія.

а) *Законъ тожества* требуетъ, чтобы мысли, имѣющія одно и тоже содержаніе, хотя бы высказаны были въ разное время и разными лицами, принимались какъ тожественныя. Простѣйшая формула этого закона: А—А. Примѣрами могутъ служить въ особенности математическія аксіомы, въ которыхъ тожественность, при различіи въ выраженіи, сразу признается нашимъ мышленіемъ: цѣлое равно своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ; прямая линія—кратчайшее разстояніе между двумя точками и др.

б) *Законъ противорѣчія* требуетъ, чтобы въ мышленіи мы не допускали ничего противорѣчащаго себѣ. Онъ есть тотъ же законъ тожества, только въ отрицательной формѣ взятый: если по закону тожества А=А, то по закону противорѣчія нельзя сказать А не есть А; нельзя отвѣчать на одинъ и тотъ же вопросъ, правильно понимаемый, *да* и *нѣтъ*; нельзя сказать о человѣкѣ въ одномъ и томъ же отношеніи, что онъ уменъ и неуменъ, честенъ и безчестенъ, справедливъ и несправедливъ.

в) *Законъ исключеннаго третьяго* требуетъ, чтобы о предметѣ мыслимомъ мы или утверждали какой либо признакъ или отрицали, но не избирали средній путь между утвержденіемъ и отрицаніемъ: А есть или В или не В. Онъ составляетъ дополненіе къ закону противорѣчія: по послѣднему, нельзя на вопросъ, одинаково понимаемый, отвѣчать *да* и *нѣтъ*; но противорѣчащія мысли не могутъ быть обѣ ложны, одна изъ нихъ непремѣнно должна быть истинной; законъ исключеннаго третьяго и требуетъ на данный вопросъ отвѣчать *да* или *нѣтъ*.

г) *Законъ достаточнаго основанія* требуетъ, чтобы каждая мысль признавалась истинной или ложной не иначе, какъ при достаточномъ основаніи. Если напр. высказывается аксіома, что во всякомъ треугольникѣ сумма угловъ равна двумъ прямымъ, то прежде всего возникаетъ вопросъ: на какомъ основаніи, почему? Основаніемъ называется мысль, принявъ которую, мы обязываемся принять и другую, вытекающую изъ первой, какъ слѣдствіе: если въ мірѣ есть цѣлесообразность, то должна быть разумная причина.

§ 36. *Формы мышленія*. Руководясь означенными законами, мышленіе создаетъ произведенія въ *формѣ* понятій, сужденій и умозаключеній.

а) *Понятіе* есть мысль о томъ, что такое предметъ въ своихъ существенныхъ признакахъ и въ чемъ отличіе его отъ другихъ предметовъ: напр. въ понятіи о психологіи должны быть даны существенные признаки—родовые, принадлежащіе каждой наукѣ, и видовые, отличающіе психологію отъ другихъ наукъ. Поэтому понятіе не тоже, что представленіе, и имѣть понятіе о домѣ, садѣ и пр. не тоже, что имѣть представленіе. (Въ чемъ разница?) Психологическій процессъ образованія понятій слѣдующій: а) мы сравниваемъ признаки даннаго предмета между собой, чтобы опредѣлить существенные и случайные изъ нихъ, и съ признаками другихъ предметовъ, чтобы опредѣлить

родовые и видовые. Напр. сравнивая признаки, присущіе человѣку, мы находимъ, что одни изъ нихъ-тѣлесность, духовность, обитаніе на землѣ-существенны, другіе—такой или иной цвѣтъ кожи, волосъ, ростъ, образъ жизни—случайны; сравнивая же признаки человѣка съ признаками другихъ существъ, находимъ, что онъ существо живое, но отличается отъ животныхъ земныхъ разумностью и свободой. б б) Мы отвлекаемъ, выдѣляемъ существенные признаки изъ ряда другихъ случайныхъ: напр. изъ множества признаковъ человѣка мы выдѣляемъ жизненность, духовность и тѣлесность, обитаніе на землѣ, разумность и свободу, но оставляемъ несущественные—цвѣтъ кожи, волосъ, глазъ, родъ пищи и одежды и т. п. в в) Мы, наконецъ, *обобщаемъ* найденные существенные признаки въ одно цѣлое, располагая ихъ соотвѣтственно значенію для бытія предмета и такимъ образомъ получаемъ понятіе. Напр. обобщая существенные признаки, присущіе человѣку, мы получимъ понятіе: человѣкъ—существо живое, духовно-тѣлесное, обитающее на землѣ, разумное и свободное.

б) Въ *сужденіи* мышленіе устанавливаетъ отношеніе между понятіями. Когда мы говоримъ: этотъ человѣкъ скроменъ, то понятіе скромности ставимъ въ положительное отношеніе къ понятію о человѣкѣ. Но отношеніе это совершенно отлично отъ связи представленій по законамъ смежности и сходства. Сочетаніе представленій имѣетъ характеръ совершенно внѣшній: здѣсь одно представленіе прилагается къ другому, какъ совершенно равноправное. Въ сужденіи же совершается не внѣшнее сложеніе или разложеніе представленій, а поставленіе во взаимную связь одного понятія, какъ опредѣляемаго или субъекта, и другаго, какъ опредѣляющаго или предиката. Напр. когда мы произносимъ сужденіе: металлы плавятся, то не внѣшнимъ образомъ прилагаемъ къ понятію о металлахъ

понятіе плавкости, а о металлахъ, какъ субъэктѣ сужденія, утверждаемъ признакъ плавкости, какъ предикатъ.

в) Въ *умозаключеніи* мышленіе выводитъ какое-либо сужденіе изъ одного или нѣсколькихъ другихъ: напр. простыя тѣла не имѣютъ протяженія; душа проста; слѣдовательно непротяженна. Подобный выводъ развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: мы переходимъ или отъ общаго къ частному или отъ частнаго къ общему: напр. всѣ науки полезны; психологія наука; слѣд. она полезна; или: логика, психологія, философія, физика, каждая другая наука-полезны; слѣд. всѣ науки полезны. Значеніе умозаключеній состоитъ въ томъ, что аа) они сообщаютъ основательность нашимъ мыслямъ: только весьма немногія сужденія наши имѣютъ непосредственную очевидность, напр. аксіомы, выражающія тожественность понятій; огромное большинство сужденій заимствуютъ основательность отъ другихъ болѣе прочныхъ положеній; бб) они сообщаютъ связность нашимъ мыслямъ: если въ понятіяхъ намъ даны многочисленные образы, не имѣющіе связи, какъ бы множество точекъ на листѣ бумаги, а въ сужденіяхъ эти отдѣльные элементы получаютъ нѣкоторую связь, какъ бы соединяются линіями, то въ умозаключеніяхъ мы соединяемъ ихъ такимъ образомъ, что въ результатѣ получаемъ стройную и цѣльную систему, какъ бы правильную геометрическую фигуру.

§ 37. *Достоинства и недостатки разсудка* И разсудокъ, подобно другимъ способностямъ, не всегда и не у всѣхъ людей бываетъ одинаково совершенъ. Такъ, со стороны тонкости и основательности въ опредѣленіи отношеній между вещами можно различать въ немъ: *остроуміе и глупость*, *проницательность и тупость*, *глубокомысліе и поверхностность*. Остроуміе есть способность среди различій легко и скоро замѣчать и ясно представлять менѣе замѣтное сходство. Чѣмъ больше различія между предметами, чѣмъ значительнѣе открываемое сходство и чѣмъ легче и

скорѣе оно открыто, тѣмъ выше остроуміе. Можно назвать остроуміе воображеніемъ разсудка, потому что какъ воображеніе играетъ представленіями, такъ остроумный разсудокъ играетъ понятіями: въ понятіяхъ совершенно несходныхъ онъ легко усматриваетъ пункты соприкосновенія и съ помощью воображенія живо представляетъ ихъ. Въ своемъ извращенномъ видѣ оно называется *суемудріемъ*, если именно пытается отыскивать сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Противоположность остроумію составляетъ *глупость*, какъ неспособность подмѣтить сходство среди различій.—Проницательность есть способность опредѣлять различія и притомъ отдаленныя, недоступныя обычному уму: она обнаруживается въ образованіи ясныхъ и точныхъ понятій, въ мѣткости сужденій и вѣрности умозаключеній. Въ своемъ извращенномъ видѣ она становится страстью отыскивать *мелкія* различія. Противоположность проницательности составляетъ тупость, какъ неспособность среди сходства замѣчать различіе.—Глубокомысліе есть способность проникать въ отдаленнѣйшія основанія и слѣдствія явленій, изслѣдовать ихъ существо, причины и дѣйствія, средства и цѣли. Умы съ такимъ свойствомъ, прежде чѣмъ дать рѣшеніе, старательно изучаютъ дѣло со всѣхъ сторонъ, и потому въ состояніи опредѣлить не только то, что думаютъ, но и то, почему слѣдуетъ думать такъ, а не иначе. Въ своемъ извращеніи глубокомысліе становится *резонерствомъ*, когда, усвоивъ привычку требовать основаній всегда и отъ всѣхъ, требуютъ ихъ не къ мѣсту,—напр. относительно фактовъ первоначальныхъ, причинъ которыхъ и знать нельзя,—и не ко времени,—когда напр. нужно не разсуждать, а рѣшаться и дѣйствовать. Противоположность глубокомыслію составляетъ *поверхностность*, какъ неспособность проникать въ внутреннее существо и причинную связь вещей.

38. *Условія образованія разсудка.* Какъ достоинства, такъ и недостатки разсудка часто даны бываютъ отъ природы: нерѣдко можно видѣть, что одни дѣти—остроумны,

сообразительны, другія—тупы, вялы, поверхностны; но во многихъ случаяхъ они стоятъ въ зависимости и отъ тѣхъ условій, которыя вліяютъ на образованіе разсудка. Подобно всѣмъ другимъ способностямъ, разсудокъ не дѣйствуетъ совершенно независимо отъ этихъ послѣднихъ, не является и мгновенно, какъ нѣчто совершенно новое въ сравненіи съ ними. Формы дѣятельности разсудка обнаруживаются безотчетно и въ низшихъ способностяхъ души, незамѣтно управляя ими, какъ формы сочетаній и раздѣленій. Въ этомъ случаѣ повторяется то, что мы находимъ на практикѣ геометрическихъ начертаній, когда кто-либо правильно рисуетъ квадратъ, вовсе не зная, что такое квадратъ, чѣмъ отличается онъ отъ параллелограмма, трапеціи, куба и т. д. Поэтому, начиная съ первыхъ проявленій способности ощущеній и до того времени, когда наступаетъ изученіе отвлеченныхъ законовъ и формъ мышленія, должны соблюдаться условія и приниматься мѣры, содѣйствующія развитію совершеннаго мышленія (Гогоцкій). Наиболѣе важныя изъ такихъ условій слѣдующія: а) Необходимъ матеріалъ для разсудочной дѣятельности. Онъ доставляется новыми ощущеніями и запасомъ прежнихъ наблюденій, что вмѣстѣ и составляетъ *опытъ человѣка*. Чѣмъ шире, богаче, совершеннѣе запасъ опыта, тѣмъ разностороннѣе, полнѣе и отчетливѣе будетъ развиваться и дѣятельность мышленія. Нельзя и сравнивать напр. человѣка многовидавшаго, испытавшаго и пережившаго съ тѣмъ, который дальше своего села нигдѣ не бывалъ, ничего не видалъ и не знаетъ. б) Необходима извѣстная степень энергіи памяти и вспоминанія. Человѣкъ съ слабой, не совершенной памятью, не будучи въ состояніи ни сохранять, ни въ надлежащее время воспроизводить нужныя представленія, не можетъ составлять вѣрныхъ понятій, сужденій и умозаключеній; положимъ у него есть представленія о разныхъ металлахъ, но если онъ не въ состояніи точно воспроизвести ихъ, то не можетъ соста-

вить правильнаго понятія о металлѣ. в) Необходима извѣстная степень энергіи воображенія, потому что безъ его помощи нельзя обойтись ни въ какомъ разсудочномъ занятіи; для того, чтобы составить напр. понятіе о первичномъ состояніи земли, первобытномъ человѣчествѣ, о будущей загробной жизни и т п., необходимо значительное содѣйствіе воображенія. г) Необходимо постоянное участіе воли, потому что она устанавливаетъ предметъ мышленія, она же удерживаетъ изъ являющихся въ сознаніи представленій тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ данному предмету, и устраняетъ ненужныя. Все это мы испытываемъ каждый разъ, когда пишемъ сочиненіе; вотъ почему такое мышленіе и сопровождается всегда умственной усталостью, тогда какъ простое чтеніе книги такъ не утомляетъ насъ. д) Для формальнаго развитія мышленія необходимо, наконецъ, постоянное упражненіе въ сравниваніи, различеніи, сочетаніи, обобщеніи и отвлеченіи. Въ этомъ отношеніи высшую важность имѣетъ изученіе философскихъ наукъ, сообщающихъ свѣдѣнія о правильныхъ и неправильныхъ формахъ мышленія и предлагающихъ готовые образцы таковаго мышленія.

§ 39. Въ близкомъ отношеніи къ мышленію стоитъ способность рѣчи человѣка или умѣнье выражать духовныя состоянія въ сочетаніяхъ звуковъ, потому что слова языка суть знаки понятій. Но подобно тому какъ способность мышленія развивается не вдругъ, а постепенно, такъ и умѣнье человѣка выражать свои мысли во внѣшнихъ знакахъ развивается постепенно, переходя отъ менѣе совершенной формы къ болѣе совершенной.

1) Самымъ элементарнымъ средствомъ выраженія духовныхъ состояній, общимъ для человѣка и животныхъ, служитъ *мимика*. Такъ называется способность выражать свои духовныя состоянія въ движеніяхъ тѣла. Она основывается на тѣсной связи между извѣстнымъ духовнымъ состояніемъ и сокращеніемъ соотвѣтствующихъ мускуловъ

тѣла: такъ, горе всегда выражается въ растяженіи мускуловъ лица, въ потухшемъ взорѣ, наклоненіи головы, медленной походкѣ и наконецъ въ слезахъ, радость въ движеніяхъ совершенно противоположныхъ, согласіе выражается наклоненіемъ головы впередъ, несогласіе—обратно и т. п. Связь эта не зависитъ отъ личной воли человѣка; онъ можетъ, конечно, по произволу, употреблять жесты и давать своей фигурѣ различныя выраженія, но онъ не можетъ измѣнить смысла тѣхъ или иныхъ мимическихъ движеній: знаки скорби всегда и останутся знаками скорби, а не радости. Связь эта происходитъ изъ тѣснаго отношенія между душой и тѣломъ: какъ тѣлесныя состоянія сопровождаются ощущеніями души, такъ точно духовныя состоянія, въ особенности низшія, выражаются въ опредѣленныхъ движеніяхъ тѣла. Поэтому и мимическій языкъ имѣетъ всеобщее значеніе и понятенъ даже для малаго ребенка: два человѣка различной націи и разнаго образованія, встрѣчаясь въ первый разъ, легко понимаютъ мимику другъ друга.

Органами мимическихъ движеній служатъ лице, глаза, руки, ноги и всѣ наиболѣе подвижные части тѣла: мимика лица состоитъ въ перемѣнѣ его цвѣта, въ игрѣ лицевыхъ мускуловъ, особенно связанныхъ съ глазами и ртомъ, мимика глазъ—въ перемѣнѣ ихъ блеска и въ различныхъ движеніяхъ, мимика рукъ и ногъ—тоже въ движеніяхъ. Всѣ мимическіе знаки можно раздѣлить на три класса: а) рефлективные, происходящіе такимъ образомъ, что раздраженіе съ чувствительнаго нерва, помимо сознанія, передается двигательному, который и сокращаетъ мускулы; они служатъ для выраженія, по преимуществу, ощущеній и чувствованій, напр. мимическія движенія рта, выражающія ощущенія кислаго, сладкаго, горькаго, или чувства презрѣнія, ненависти, страданія; б) указательные, служащіе для выраженія представленій о наличныхъ предметахъ, напр. указа-

ніе пальцемъ, глазами; в) изобразительные, воспроизводящіе очертаніе предмета или символъ его и служащіе для выраженія представленій и понятій о предметахъ отсутствующихъ, неподлежащихъ чувственному наблюденію; для нѣмаго напр. начертаніе кружка на ладони означаетъ деньги, взглядъ вверхъ-божество, движеніе рукъ впередъ-будущее и т. п.

2. Другимъ, столь же первоначальнымъ, средствомъ выраженія духовныхъ состояній служатъ членораздѣльные звуки. Такими звуками являются, по преимуществу, междометія, напр. вздохи, стоны, крикъ, рыданіе, мычаніе и т. п.; они служатъ для выраженія только чувствованій, преимущественно наиболѣе простыхъ и общихъ, какъ напр. физическая боль, радость, горе, гнѣвъ, страхъ. Возникаютъ эти звуки непроизвольно, только вслѣдствіе того, что сильныя чувствованія возбуждаютъ прямо двигательные нервы, связанные съ голосовыми органами; поэтому ихъ можно считать рефлективными звуками.

3. Собственно *языкъ*, какъ сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ въ слова, составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Хотя многія животныя владѣютъ голосовымъ органомъ подобнымъ человѣческому, и въ этомъ отношеніи ближе стоятъ къ человѣку не четвероногія, а птицы (попугаи, скворцы, сороки, дятлы и др.), вслѣдствіе вертикальнаго положенія ихъ шеи; однако человѣческаго языка они не имѣютъ. Ихъ звуки суть не что иное, какъ непроизвольныя выраженія чувственнаго возбужденія (боли, радости), половаго влеченія (ревъ оленей, пѣніе птицъ) и стремленія къ самосохраненію; этимъ звукамъ они не учатся, не измѣняютъ ихъ и не забываютъ. Правда, нѣкоторые птицы могутъ подражать человѣческимъ звукамъ, но безъ смысла и пониманія; четвероногія же не въ состояніи дѣлать и этого: обезьяна подражаетъ человѣку въ дѣйствіяхъ, но никакъ не въ языкѣ. Причина всего этого слѣду-

ющая: всѣ слова нашего языка суть знаки понятій, ими мы означаемъ роды и виды вещей (напр. столъ, стулъ, перо, человѣкъ, негръ); если же мы хотимъ означить словомъ опредѣленный предметъ, непремѣнно прибавляемъ указательное мѣстоименіе (этотъ столъ, этотъ негръ); но способность составлять понятія — разсудокъ — принадлежитъ только человѣку; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что и даръ слова составляетъ исключительную принадлежность тоже только человѣка. Какъ знаки понятій, слова, естественно, находятся въ тѣсной связи съ послѣдними. Но связь эту нельзя представлять а) неизбѣжной, какъ будто бы мысль неотдѣлима отъ слова, потому что мы можемъ мыслить и безъ словъ, и обученный глухонѣмой пользуется языкомъ пальцевъ вмѣсто словъ: б) необходимой, непроизвольной, какъ будто бы каждое понятіе означалось только однимъ, а не другимъ словомъ: и величайшее разнообразіе языковъ, при одинаковости человѣческаго мышленія, и измѣнчивость словъ при неизмѣнности понятій, и обратное явленіе—доказываютъ, что слова суть произвольные знаки понятій, и что каждое понятіе столь же хорошо можетъ быть обозначено однимъ, какъ и другимъ словомъ. Даже формальная сторона языка, выражающая отношенія между мыслями, не совпадаетъ съ логическимъ мышленіемъ и въ различныхъ языкахъ разнообразна. Если же слова языка суть произвольные знаки понятій, то нужно признать, что мышленіе до извѣстной степени должно предшествовать языку. Опытъ, дѣйствительно, показываетъ, что каждый ребенокъ сначала ощущаетъ, представляетъ, различаетъ предметы познанія одинъ отъ другаго и отъ себя самого, запоминаетъ и воспроизводитъ, и только потомъ уже, достигнувъ нѣкотораго развитія, начинаетъ обозначать понятія словами.

Тотъ же опытъ показываетъ, что каждый человѣкъ перенимаетъ языкъ, которымъ говорятъ окружающіе его люди, каждый ребенокъ учится языку отъ своихъ ро-

дителей; эти послѣдніе получили языкъ отъ своихъ предковъ и т. д. Спрашивается: откуда же первоначально явился языкъ? По одному взгляду, Богъ, создавши человѣка совершеннымъ, съ развитыми способностями, даровалъ ему и языкъ въ готовомъ видѣ; по другому, первые люди, почувствовавъ нужду во взаимномъ обмѣнѣ, сами создали языкъ и постепенно усовершенствовали его. Наука- филологія и психологія—не можетъ рѣшить этого вопроса: филологія не достигаетъ колыбели человѣчества и останавливается предъ множествомъ вѣтвей языка (индогерманскій, семитическій, туранскій), которыя она не въ состояніи теперь свести къ одному корню, хотя нельзя ещо отрицать возможности такого сведенія; для психологіи одинаково возможно, какъ то, что Богъ сотворилъ человѣка съ готовымъ даромъ слова, такъ и то, что люди сами постепенно усовершенствовали даръ слова. Исторически прослѣдить первый языкъ людей—нѣтъ возможности, потому что въ его развитіи имѣло огромное значеніе сверхъ—естественное вліяніе (смѣшеніе языковъ). Изслѣдованія же филологіи, простирающіяся до времени смѣшенія языковъ, показываютъ, что въ развитіи языковъ послѣ смѣшенія можно замѣчать три главныя ступени. Первоначально языки состояли изъ простыхъ односложныхъ словъ, и каждое слово означало предметъ по одному какому-либо чувственному свойству или дѣятельности (напр. Bôvs, быкъ—отъ звука *бу;* Fluss, рѣка, плавень, отъ— плу, флу и под.); но уже и здѣсь слова были знаками понятій, потому что они означали не индивидуальные предметы, но признаки, принадлежащіе многимъ однороднымъ предметамъ. Для опредѣленія отношеній между понятіями употреблялись особые слова и никакихъ флексій не было. На этой ступени въ развитіи языка (изолирующій языкъ) остановились Китайцы. На второй ступени, слова, служащія для выраженія отношеній между понятіями, присоединяются къ кореннымъ словамъ и какъ бы сроста-

ются до неузнаваемости и неразличимости: таковы агглютинирующіе языки—туранскій, африканскій, американскій и др. На третьей ступени, слова, выражающія отношенія, окончательно теряютъ звуковую самостоятельность и превращаются въ добавочные слоги и звуки: таковы языки флексивные—семитическіе.

Какъ средство выраженія психическихъ состояній, членораздѣльный языкъ имѣетъ преимущество предъ мимикой и нечленораздѣльными звуками. а) При помощи послѣднихъ можно выражать только общій характеръ психическихъ состояній и преимущественно чувствованій, но нельзя передать сравнительно тонкихъ оттѣнковъ этихъ состояній, тѣмъ болѣе нельзя передать отвлеченныхъ философскихъ понятій: нельзя напр. выразить мимически различіе между ощущеніемъ, представленіемъ, понятіемъ, идеей, чувствованіемъ и хотѣніемъ, или различіе понятій бытія, происхожденія, сущности и т. п. б) Мимическія движенія требуютъ значительнаго промежутка времени для передачи психическихъ состояній.—Естественно, поэтому, что въ сознаніи каждаго человѣка, не лишеннаго органа рѣчи, слова находятся въ ближайшей связи съ мыслями, слѣдуя за ними какъ тѣнь. Положимъ, бываетъ иногда мышленіе и безъ словъ, случается, что мы чувствуемъ въ себѣ присутствіе мысли, сознаемъ и ея отличіе отъ другихъ мыслей, говоря, что это не та мысль, которую мы ищемъ, и только не можемъ обозначить ее соотвѣтствующимъ словомъ; обыкновенно же мы думаемъ словами не только тогда, когда бесѣдуемъ съ другими, но и тогда, когда размышляемъ наединѣ. Слово какъ будто срастается съ мыслью, въ видѣ ея внѣшней оболочки, такъ что намъ трудно бываетъ и раздѣлить одно отъ другой. Вотъ почему уже Платонъ назвалъ мышленіе разговоромъ души съ собой. Въ силу этой связи, языкъ имѣетъ важное значеніе для мышленія. а) Онъ сообщаетъ ясность и точность мыслямъ. Каждый

изъ собственнаго опыта знаетъ, что доколѣ мысль не отлилась въ форму слова, она только чувствуется нами въ видѣ чего-то смутнаго и неопредѣленнаго, причиняющаго безпокойство; выразившись же въ словѣ, она получаетъ ясность и точность какъ для насъ самихъ, такъ и для нашихъ собесѣдниковъ. Отсюда, ясное и отчетливое мышленіе всегда соединяется съ стремленіемъ къ точному и правильному языку, и наоборотъ, неточный, неопредѣленный языкъ есть вѣрный признакъ неяснаго и неотчетливаго мышленія. б) Языкъ предлагаетъ обширный матеріалъ для сравнивающей и обобщающей дѣятельности мышленія. Такъ какъ слова суть знаки понятій, родовъ и видовъ вещей, то, представляя себѣ каждый отдѣльный предметъ извѣстнаго рода и называя ихъ однимъ и тѣмъ же словомъ, мы устанавливаемъ ассоціацію между словомъ и множествомъ однородныхъ предметовъ. Если напр. возьмемъ слово А, а предметы, къ которымъ оно приложимо, будутъ a, b, c, d, e, f и др., то у насъ получатся ассоціаціи: Аа, Аб, Ас, Ад, и т. д. Но воспроизводя съ каждымъ словомъ цѣлый рядъ представленій отдѣльныхъ предметовъ, мы получаемъ богатый матеріалъ, сравнивая и обобщая который, можемъ выработать ясныя понятія. в) Языкъ представляетъ источникъ для уясненія смысла понятій. Въ силу тѣсной связи языка и мышленія, развитіе ихъ идетъ большею частію параллельно и умственное богатство или бѣдность народа всегда выражаются въ богатствѣ или бѣдности его языка; точно также и постепенное уясненіе народомъ того или другаго понятія выражается въ томъ, что слово-знакъ этого понятія—съ теченіемъ времени получаетъ болѣе точный смыслъ, соотвѣтственно расширившемуся кругу наблюденій. Поэтому, для того, чтобы уяснить понятіе о томъ или другомъ предметѣ, иногда достаточно бываетъ прослѣдить, въ какомъ смыслѣ употреблялось и употребляется слово его въ языкѣ народномъ. Напр., чтобы уяснить по-

нятіе нѣжности, мы обращаемся къ языку народному и замѣчаемъ, что *нѣжнымъ* называютъ предметъ тонкій, деликатный (нѣжный цвѣтъ, нѣжный вкусъ), называютъ такъ и предметъ дорогой, любимый, цѣнный (мы нѣжны съ дѣтьми, произведеніями искуства и т. п.); слѣд. въ понятіе нѣжности входятъ признаки предмета тонкаго, дорогаго и любимаго.

§ 40. *Смыслъ способности разсудка* видѣнъ а) въ томъ, что на этой ступени душа достигаетъ уже сознанія своихъ законовъ и формъ; руководясь ими, она сознательно и основательно переработываетъ весь запасъ прежнихъ представленій, сообщая имъ новыя формы; б) въ томъ, что она уже отрѣшается отъ міра окружающихъ предметовъ, создавая понятія, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ предметовъ, но окончательно все-таки не порываетъ связи съ чувственнымъ міромъ, потому что и самыя высшія понятія имѣютъ отношеніе къ окружающей дѣйствительности, переплетаются съ представленіями и выражаются въ словахъ.

4) Способность созерцанія—разумъ.

§ 41. И разуму или способности созерцанія свойственно также сознавать; но онъ отличается отъ разсудка и по *содержанію* и *по формѣ* дѣятельности.

Содержаніемъ разума служатъ не представленія и не понятія разсудка, а *идеи*. Такъ называются мысли нашего разума о высшихъ, совершеннѣйшихъ началахъ бытія и знанія, о томъ, въ чемъ состоитъ истинное, доброе, прекрасное, благородное, честное, божественное и т. д. Мысли эти указываютъ намъ не то, что есть или бываетъ въ этомъ мірѣ, а то, что должно быть, лучшее, совершеннѣйшее; они служатъ нормами, образцами для нашихъ знаній и дѣйствій, указывая, къ чему мы должны стремиться и чего должны достигать: идея истины напр. требуетъ, чтобы наше знаніе всегда было истинно, идея добра требуетъ,

чтобы наши дѣйствія всегда были добры, но въ дѣйствительности ни того, ни другаго часто не бываетъ. Какъ такія нормы или образцы, указывающіе долженствующее быть, идеи не могутъ быть заимствованы изъ опыта, потому что здѣсь мы встрѣчаемъ знанія истинныя и ложныя, дѣйствія добрыя и дурныя, предметы красивые и некрасивые, но не встрѣчаемъ того, что должно быть, не встрѣчаемъ человѣка, обладающаго безусловно истинными знаніями, безусловно доброй волей, безусловно прекраснаго и пр.; но могутъ быть идеи созданы и дѣятельностью разсудка, на основаніи опыта, подобно другимъ отвлеченнымъ понятіямъ, потому что а) люди руководились и руководятся этими образцами въ своей жизни, различая истинное отъ ложнаго, доброе отъ дурнаго, богоугодное отъ богопротивнаго, еще прежде чѣмъ сознательно усвояли и усвояютъ, что существуютъ идеи истины, добра и пр.; б) разсудокъ, какъ способность формальная, имѣя своимъ матеріаломъ представленія о конечномъ, ограниченномъ и несовершенномъ, о томъ, что есть и бываетъ, никогда не можетъ составить понятій о безконечномъ, совершеннѣйшемъ, долженствующемъ быть; в) высшія, отвлеченныя понятія разсудка составляютъ достояніе только философски—образованныхъ людей и не имѣютъ вліянія на практическую жизнь, а идеи присутствуютъ у всѣхъ людей и оказываютъ вліяніе на всю ихъ жизнь и дѣятельность. Остается признать, что идеи прирождены человѣческому духу, но прирождены, конечно, не въ видѣ готовыхъ понятій, потому что такія понятія создаются постепенно, на основаніи опыта, а въ видѣ неопредѣленныхъ еще нормъ или образцовъ, которые съ самаго начала руководятъ жизнью и дѣятельностью человѣка и возбуждаютъ его къ составленію отчетливыхъ понятій о нихъ. Напр. для того, чтобы составить понятіе о человѣкѣ, мы должны имѣть представленія объ отдѣльныхъ лицахъ; но для того, чтобы признать одного

человѣка болѣе совершеннымъ, чѣмъ другаго, мы напередъ должны имѣть образецъ, норму человѣческаго совершенства, сравнивая съ которой мы и можемъ опредѣлить наиболѣе совершеннаго. Этотъ образецъ человѣка и будетъ идеей; но она предносится нашему сознанію не какъ готовое понятіе, а какъ нѣчто такое, чего мы должны искать въ людяхъ, что мы должны цѣнить въ нихъ.

Въ своей формальной дѣятельности разумъ не употребляетъ какихъ-либо пріемовъ сравненія, отвлеченія и обобщенія, а *созерцаетъ* идеи, какъ данное свое содержаніе, подобно тому какъ способность ощущеній воспринимаетъ впечатлѣнія отъ готовыхъ данныхъ чувственныхъ предметовъ.

Въ виду этого отличія разума отъ разсудка слѣдуетъ признать, что послѣдній, какъ способность формальная, занимаетъ посредствующее мѣсто между способностью представленій и разумомъ. Получая матеріалъ для своей дѣятельности частію въ видѣ представленій, добытыхъ изъ міра дѣйствительнаго и сохраненныхъ памятью, частію въ видѣ идей разума, какъ образцовъ совершенства, онъ обрабатываетъ тѣ и другія; первыя, при помощи своихъ пріемовъ, онъ сочетаетъ, приводитъ къ единству, въ совершеннѣйшій видъ познанія, а вторыя раздробляетъ, старается подвергнуть ихъ своимъ ограниченнымъ формамъ, обратить въ понятія, сужденія и умозаключенія. Напр. разумъ имѣетъ идею существа совершеннѣйшаго, какъ нѣчто цѣлое; разсудокъ же, пытаясь разъяснить ее, раздробляетъ на отдѣльные признаки—всевѣденія, всемогущества, неизмѣняемости и проч.

§ **42**. Между множествомъ идей, присущихъ разуму человѣческому, наиболѣе важное значеніе имѣютъ идеи *Бога, истины, добра* и *красоты*.

Идея Бога, какъ существа абсолютно совершеннаго, какъ первой, безусловной причины всего, составляетъ выс-

шую, необходимую норму, безъ которой человѣкъ никогда не могъ бы не только указывать разныя степени совершенства вещей, составляющихъ этотъ міръ, познавать причины ихъ, но даже и мыслить о совершенствѣ и причинности. Подобно тому какъ нельзя различать краснаго цвѣта отъ голубаго, не зная того и другаго, такъ точно нельзя признавать причины и вещи этого міра конечными и условными, не имѣя одновременно представленій о причинѣ безусловной и безконечной, нельзя мыслить нравственнаго закона, не имѣя представленія о законодателѣ, нельзя признавать ту или другую вещь, то или иное дѣйствіе совершеннымъ, не имѣя представленія о существѣ абсолютно совершенномъ, которое служило бы мѣрой совершенства въ отношеніи ко всему остальному. А такъ какъ готовыхъ представленій не прирождено нашему духу, то нужно признать, что идея Бога, какъ существа абсолютно совершеннаго, прирождена въ видѣ *нормы* или *образца*, который мы не сознаемъ отчетливо, но которымъ мы безсознательно руководимся при сравнительной оцѣнкѣ достоинства вещей и опредѣленіи ихъ причинности. Существованіе такой идеи о Богѣ, въ смыслѣ неясной нормы, подтверждается и современными изслѣдованіями научными въ области религіи. Новѣйшими культурно-историческими, этнографическими и филологическими изслѣдованіями прежде всего установлено то положеніе, что если и были отдѣльные атеисты, однакожъ никогда не было ни одного атеистическаго народа или вѣка, и потому мысль о Богѣ нужно признать характерной чертой человѣческой природы, во вторыхъ — то положеніе, что разнообразныя, такъ называемыя, естественныя религіи, отъ шаманства и фетишизма до развитыхъ миѳологическихъ системъ, основываются не на боготвореніи естественныхъ предметовъ и силъ природы, не вышли изъ представленія о божествѣ вообще, хотя совершенно темнаго и неопредѣленнаго, изъ представле-

нія неизвѣстной силы или сущности, производящей явленія, и только въ дальнѣйшемъ развитіи дошли до того, что стали смотрѣть на естественныя явленія и предметы, какъ на представителей этой божественной первосилы, и стали отожествлять ихъ съ нею.

Остальныя идеи — истины, добра и красоты — суть только различныя стороны идеи совершеннѣйшаго, абсолютнаго начала въ примѣненіи къ различнымъ видамъ духовной нашей жизни и дѣятельности. Такъ, идея истины есть норма или образецъ знанія совершеннѣйшаго по достовѣрности и очевидности, по связи и полнотѣ; но такимъ совершеннѣйшимъ знаніемъ обладаетъ только совершеннѣйшее существо; слѣдовательно идея истины выражаетъ только примѣненіе идеи высочайшаго существа къ области нашихъ знаній. Идея добра есть образецъ, норма нравственно-совершеннѣйшаго дѣйствія, абсолютно доброй воли, дѣйствующей соотвѣтственно какъ ея достоинству и назначенію, такъ и назначенію ея рода, всей природы и въ концѣ всего согласно съ волей Божіей; а такой абсолютно-совершенной, нравственной волей можетъ быть опять только существо абсолютно совершенное. Идея красоты есть образецъ полнѣйшаго выраженія совершеннѣйшей сущности въ изящной, строго пропорціональной формѣ; а такимъ образцомъ можетъ быть опять только совершеннѣйшее существо.

Будучи первоначально нормами, безсознательно руководящими нашей дѣятельностью сравнивающей, идеи постепенно переходятъ въ понятія и сужденія о совершеннѣйшемъ бытіи и знаніи. Переходъ этотъ совершается при помощи опыта и дѣятельности разсудка. Именно: различая соотвѣтственно той или другой идеѣ, какъ нормѣ совершенства, предметы и дѣйствія, и признавая одни изъ нихъ болѣе совершенными, чѣмъ другіе, мы замѣчаемъ признаки совершенства, отвлекаемъ ихъ изъ ряда другихъ, соединяемъ ихъ въ одно цѣлое и такимъ образомъ получаемъ по-

нятіе о совершенномъ и несовершенномъ. Выраженное въ формѣ практическаго сужденія, понятіе становится правиломъ, указывающимъ, *что* мы *должны* дѣлать, и основаніемъ для оцѣнки этой дѣятельности. Такъ, различая соотвѣтственно нормѣ добра свои и чужія дѣйствія, и замѣчая, почему одни считаемъ достойными похвалы, а другія—порицанія, мы составляемъ понятіе о томъ, что слѣдуетъ считать добромъ вообще и выражаемъ это въ правилѣ: „всегда дѣлай добро;“ различая соотвѣтственно нормѣ красоты предметы природы и свои произведенія, и замѣчая, почему одни считаемъ прекрасными, а другіе—безобразными, мы составляемъ понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ красота и выражаемъ это въ правилѣ: „всегда цѣни прекрасное.“ Но такъ какъ и опытъ людей и степень развитія разсудка чрезвычайно различны, что, хотя идеи Бога, истины, добра и красоты присущи всѣмъ людямъ, не всѣ имѣютъ одинаковыя понятія о нихъ.

§ 43. *Вліяніе идей на низшія познавательныя способности человѣка.* Какъ присущія отъ природы душѣ человѣческой, идеи естественно должны оказывать вліяніе на всѣ ея способности познанія.

1) Это вліяніе замѣчается уже въ способности ощущеній, особенно высшихъ-зрительныхъ и слуховыхъ. „Если я спрошу художника, построившаго одну арку, говоритъ бл. Августинъ, почему онъ строитъ другую на противоположной сторонѣ, то онъ мнѣ отвѣтитъ, что это дѣлаетъ для того, чтобы было соотвѣтствіе между частями зданія... потому что это красиво, пріятно для глазъ, и—больше ничего не скажетъ. А если я спрошу мужа, способнаго видѣть невидимое, потому ли это прекрасно, что нравится, или потому и нравится, что прекрасно, то онъ безъ сомнѣнія отвѣтитъ, что потому и нравится, что прекрасно. Почему же это прекрасно? Не потому ли, что онѣ подобны одна другой и приведены въ соотвѣтствіе? И если онъ согласится, что красота заключа-

ется въ этомъ соотвѣтствіи, то спрошу его: гдѣ онъ видитъ это соотвѣтствіе и откуда знаетъ? Онъ отвѣтитъ, что видитъ и познаетъ это разумомъ.“ Точно тоже нужно сказать и о музыкѣ: ухо воспринимаетъ только звуки; гармонія же ихъ, въ которой и выражается красота музыкальнаго произведенія, постигается разумомъ.

2) Это вліяніе замѣчается и въ способности представленій. Если наше воображеніе, не довольствуясь окружающимъ насъ міромъ дѣйствительности, создаетъ свой особый міръ, совершенно своеобразный, то эта дѣятельность получаетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что здѣсь выражается стремленіе души къ высшему бытію и попытка приблизительно представить себѣ это бытіе, какъ нѣчто необычайное, сверхъ—естественное. Яснѣе же всего обнаруживается вліяніе идей въ дѣятельности фантазіи. Дѣйствуя вообще подъ вліяніемъ стремленій къ совершеннѣйшему бытію, она старается выразить понятія о совершенномъ въ прекрасной и наглядной формѣ (въ камнѣ, краскахъ, звукахъ, словѣ). Чѣмъ яснѣе и полнѣе эта форма соотвѣтствуетъ содержанію, тѣмъ выше и произведеніе фантазіи*). Такая дѣятельность фантазіи называется *творчествомъ*, потому что хотя матеріалъ ея заимствуется изъ опыта, но свободно преобразуется до неузнаваемости. Въ этой творческой дѣятельности принимаютъ участіе всѣ способности души: разумъ даетъ идею или образецъ совершенства въ томъ или другомъ отношеніи; разсудокъ составляетъ понятіе объ этомъ совершенствѣ, соединяя въ одно цѣлое черты, которыми отличаются предметы совершенные отъ несовершенныхъ: фантазія старается всѣ эти

*) Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобъ божественность сіяла въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!... (Майковъ).

черты выразить въ ясной наглядной формѣ; память предлагаетъ богатый запасъ тончайшихъ оттѣнковъ для выраженія тѣхъ или другихъ свойствъ совершеннѣйшаго образца (напр. черты лица, костюма, позы, обстановки, линіи, цвѣта, свѣтъ и тѣни, звуки); способность ощущенія подмѣчаетъ, какъ выражаются въ опытѣ тѣ или другія свойства, входящіе въ понятіе о совершенствѣ, въ какихъ звукахъ, краскахъ, линіяхъ, позахъ, обстановкѣ и т. п. Но въ особенности важное значеніе здѣсь имѣютъ—разумъ, дающій идею, и фантазія, создающая образъ, соотвѣтственный идеѣ. Проявляется эта творческая дѣятельность въ различныхъ видахъ.

а) Въ *религіозныхъ миѳахъ* или баснословныхъ сказаніяхъ, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе міра, боговъ и людей, характеръ и дѣятельность боговъ и отношеніе ихъ къ міру и людямъ. Совокупность такихъ сказаній составляетъ народную миѳологію. Первоначальная основа миѳовъ всѣхъ народовъ заключается въ прирожденной человѣку идеѣ о существѣ высочайшемъ; но идея эта раскрывается въ человѣкѣ подъ вліяніемъ окружающихъ его явленій природы и разныхъ условій его быта и потому въ выраженіи своемъ всегда получаетъ рѣзкій отпечатокъ ихъ. Отсюда происходитъ то различіе, которое замѣчается между миѳами разныхъ народовъ (индійцевъ, грековъ, скандинавовъ). Не зная истиннаго Бога, языческіе народы видѣли и видятъ боговъ или въ стихіяхъ и силахъ природы, каковы боги неба, земли, воды, огня, грома, молніи и пр., или считаютъ ихъ олицетвореніемъ разныхъ нравственныхъ качествъ, каковы боги и богини знанія, мудрости, справедливости, красоты, цѣломудрія и др.

б) Въ *символическихъ представленіяхъ* или *знакахъ*, имѣющихъ въ виду наглядно передать другому извѣстную идею. Отъ этихъ знаковъ или формъ не требуется изящество, а требуется только, чтобы они соотвѣтствовали

своему содержанію и были понятны тѣмъ, для кого назначены. Въ нихъ обыкновенно народы выражаютъ свои юридическія, нравственныя и религіозныя идеи. Таковы напр. въ народной жизни рукобитье, замѣняющее брачный договоръ, взаимное рукопожатіе—символъ близости и взаимнаго уваженія; таковы *басни*, гдѣ вещамъ и животнымъ человѣкъ усвояетъ мысли, чувствованія и желанія свои, имѣя въ виду преподать уроки благоразумія и нравственности; таковы религіозные обряды и празднества, въ которыхъ человѣкъ символически выражаетъ свои отношенія къ Богу.

в) Въ *художественныхъ произведеніяхъ*, гдѣ идеи разума выражаются въ формахъ изящныхъ и прекрасныхъ, доставляющихъ наслажденіе. Содержаніемъ такихъ произведеній всегда служатъ идеи или мысли о высшемъ совершенствѣ нравственномъ или умственномъ, напр. любовь къ людямъ и природѣ, правдивость, обиліе знаній, истинность и т. п. Идеи эти раскрываются въ произведеніяхъ или положительно, когда показывается, въ чемъ состоитъ совершенство нравственное или умственное, или отрицательно, когда показывается то, что противорѣчитъ этому совершенству: напр. въ лицѣ Петра Великаго Пушкинъ изображаетъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, а въ лицѣ городничаго Гоголь рисуетъ извращеніе человѣка, показываетъ, какимъ послѣдній не долженъ быть. Форма же этихъ произведеній, чтобы быть прекрасной, должна отличаться симметріей и гармоніей частей, легкостью и совершеннымъ соотвѣтствіемъ содержанію.

Умѣнье выражать идеи въ прекрасной формѣ называется *искусствомъ*. Смотря по матеріалу, которымъ пользуются для эстетическаго выраженія идей, искуства раздѣляются на *пластическія* и *тоническія*. Первыя пользуются матеріальными элементами, подлежащими зрѣнію и осязанію, напр. красками, камнемъ, деревомъ, металломъ и проч.;

вторыя—элементами, подлежащими слуху—звуками и словами. Къ первымъ относятся: аа) *архитектура* или искуство строить зданія; бб) *скульптура* или ваяніе, искуство высѣкать изъ мрамора, лѣпить изъ глины, выливать изъ металла, вырѣзывать изъ кости и дерева бюсты, статуи и проч.; вв) *живопись*, искуство изображать, чрезъ извѣстное сочетаніе цвѣтовъ, видимые предметы, явленія природы и самого человѣка въ его различныхъ положеніяхъ и душевныхъ состояніяхъ; ко вторымъ относятся: аа) *музыка*, искуство выражать при помощи звуковъ различныя душевныя состоянія и явленія природы; бб) *поэзія*, искуство выражать ту или другую идею въ сочетаніи словъ.

3) Вліяніе идей замѣчается и въ способности разсуда, и именно—въ созданіи идеаловъ нравственныхъ и общественныхъ. Подъ руководствомъ той или другой идеи разума, различая предметы совершенные и несовершенные, разсудокъ путемъ сравненія опредѣляетъ черты совершенства, отвлекаетъ ихъ изъ ряда другихъ и соединяетъ въ одинъ образъ; воображеніе преувеличиваетъ эти черты, олицетворяетъ, придавая ихъ какому либо лицу, какъ обладателю; такимъ путемъ и возникаетъ идеалъ совершенства въ томъ или другомъ родѣ. Въ идеалахъ нравственныхъ мы всегда имѣемъ образцы совершеннѣйшей личности, которая въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчается, а служитъ только прототипомъ извѣстнаго класса, сословія и цѣлаго народа. Такъ, мы представляемъ себѣ идеальный образъ профессора, служителя церкви или государства, купца, министра, царя. Въ идеалахъ общественныхъ мы имѣемъ образцы совершеннѣйшаго устройства политическаго, общественнаго или экономическаго быта, опять нигдѣ реально неосуществленные, но для автора ихъ вполнѣ согласные съ требованіями общаго блага и справедливости. Такъ, администраторъ создаетъ идеалъ общества, какимъ оно должно быть и принимаетъ мѣры къ его осу-

ществленію; христіанинъ представляетъ себѣ, каковъ былъ бы народъ, если-бы онъ совершенно просвѣщенъ былъ свѣтомъ Евангелія, еслибы христіанскія правила нравственности перешли въ плоть и кровь его, еслибы онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился любовію къ ближнему.

§ 44. *Талантъ и геній.* Подобно всѣмъ другимъ способностямъ разумъ не у всѣхъ людей обнаруживается въ одинаковой степени. Есть люди, въ которыхъ эта высокая способность души человѣческой, по различнымъ обстоятельствамъ жизни, до того бываетъ подавлена и заглушена, что они и въ себѣ не сознаютъ и въ другихъ отрицаютъ ея присутствіе. Но есть и такіе, въ которыхъ способность разума обнаруживается столь сильно, что подчиняетъ себѣ дѣятельность прочихъ способностей и чрезъ это возвышаетъ и облагораживаетъ ихъ. Эти люди не довольствуются общепризнанными правилами и мнѣніями другихъ, но начертываютъ новые планы, стараются проникнуть въ глубину природы вещей, изслѣдовать сокровенное отношеніе цѣлей и средствъ; трудности, встрѣчающіяся на пути, не останавливаютъ, а еще сильнѣе возбуждаютъ ихъ. Таковы *таланты* и *геніи*. Между ними есть много общаго: тотъ и другой предполагаютъ тѣже способности, что и у всѣхъ людей, но способности эти у нихъ гораздо болѣе развиты и имѣютъ несравненно высшую степень совершенства и силы; тотъ и другой необходимо предполагаютъ образованіе, основательное изученіе и внѣшей природы и духовной жизни; тотъ и другой большею частію бываютъ односторони, дѣйствуютъ въ одной опредѣленной области, есть напр. геніи и таланты художественные (поэтическіе, музыкальные и др.), научные (математическіе, философскіе), практическіе (административные, хозяйственные). Но есть между ними и существенная разница: геній дается отъ природы рѣдкимъ людямъ, является вѣками какъ бы для того, чтобы дать образецъ, которому должны подражать остальные лю-

ди, но никакое образованіе не можетъ произвести этого дарованія,—талантъ же можетъ быть и пріобрѣтенъ путемъ труда и счастливой самодѣятельности; геній оригиналенъ въ идеѣ своихъ произведеній и въ развитіи ея, въ планѣ и его осуществленіи, въ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ мыслей и въ образѣ выраженія, талантъ же только удачно подражаетъ готовымъ образцамъ; геній—учитель, таланты—ученики. („Моцартъ и Сальери“ Пушкина; „На смерть Гёте“ Баратынскаго).

§ 45. *Смыслъ способности разума.* Въ способности разума душа достигаетъ высшаго обнаруженія своей природы; здѣсь только становится очевиднымъ ея божественное происхожденіе. „Стремленіе къ безконечному во всѣхъ родахъ дѣятельности духовной, говоритъ Кедровъ, есть печать, есть знаменіе небеснаго происхожденія нашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруженіе божественнаго огня въ нашей душѣ, нудящаго, безпокоющаго, жгущаго насъ жаждою совершеннѣйшаго существа, которое могло бы напитать, насытить духъ нашъ.“ „Не будь въ насъ разума, мы были бы не болѣе, какъ совершеннѣйшими животными, для коихъ земля составляла бы и начало и конецъ бытія. Никакая мысль о небѣ, никакое желаніе и исканіе лучшей жизни не тревожило бы нашей души; мы были бы довольны своею участью, не понимая, сколько бы намъ ни твердили, что можно желать и стремиться къ лучшему, нежели міръ сей со всѣми его совершенствами. Такъ — то мы бѣдны были бы безъ разума!“ *)

*) Кедровъ. Курсъ психологіи. стр. 127—128.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР